

КЛАССИКА ЖАНРА

·Д·Е·Т·Е·К·Т·И·В·

ЗАПИСКИ О СЫЩИКЕ

НАТ ПИНКЕРТОН И ПРЕСТУПНОЕ ТРИО

Записки о сыщике

Сборник

Нат Пинкертон и преступное трио

«Просвещение»

Сборник

Нат Пинкертон и преступное трио / Сборник — «Просвещение»,
— (Записки о сыщике)

Нат Пинкертон – знаменитый американский сыщик, прототипом которого послужил гениальный Алан Пинкертон – сыщик, открывший первое в мире частное детективное агентство. Написанные в начале XX века, рассказы о нем пользовались бешеной популярностью, и в настоящий сборник вошли самые захватывающие и жуткие детективно-уголовные истории.

Содержание

В погоне за преступником	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Пираты гудзоновой реки	21
Глава I	21
Глава II	26
Глава III	30
Глава IV	34
Арест в облаках	38
Глава I	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Нат Пинкертон и преступное трио

В погоне за преступником

Глава 1

Брачный авантюрист

– Вас, мистер Пинкертон, спрашивает дама!

С этими словами в кабинет своего начальника вошел Боб Руланд и передал визитную карточку. Пинкертон прочел:

– Мисс Норма Кроудер... Проси ее сюда!

В комнату вошла молодая, скромно, но со вкусом одетая женщина и робко протянула ему руку:

– Здравствуйте, мистер Пинкертон! Простите, быть может, я пришла не вовремя, но я уверена, что у вас я найду защиту и помощь.

Пинкертон пригласил ее сесть, и когда она откинула вуаль, он увидел перед собой смелое, но бледное лицо, отмеченное печатью горя и житейских невзгод.

– Я никому не отказываю в помощи, – ответил он с участием. – Если не ошибаюсь, я уже встречал вашу фамилию, мисс Кроудер.

Она горестно улыбнулась:

– Это вполне возможно. Видите ли, я сделалась жертвой одного брачного авантюриста и мошенника, который в течение многих лет безнаказанно совершает свои преступления в Соединенных Штатах.

– Вы, вероятно, говорите о Джерарде Спенсере?

– Да, я думаю, что это именно он. В последнее время в разных городах он обманул и сделал несчастными столько девушек!

– Да, все эти проделки приписывают одному лицу, – сказал сыщик. – В последнее время я был занят раскрытием нескольких очень тяжких преступлений. Это потребовало от меня всей моей энергии и всего внимания, поэтому я не смог заняться этим мошенником. Но при первой же возможности готов взяться и за него.

– Располагаете ли вы свободным временем? – спросила дама робко.

– Вполне! Я весь в вашем распоряжении.

– Много времени это у вас не отнимет, так как вам придется только арестовать обманщика.

– А вы разве знаете, где он находится?

– Он здесь, в Нью-Йорке!

Пинкертон встал и зашагал по комнате. Известие его взволновало.

– Почему же вы не обратились в полицию и не попросили арестовать этого господина?

– Я боялась, что он сумеет в последний момент ускользнуть от полисменов. Он хитер, как лиса, и уже неоднократно ускользал из ловушек, которые ему ставили его преследователи, и вдобавок насмеялся над ними. Я же хотела действовать наверняка и поэтому пришла к вам. От вас, мистер Пинкертон, ему не скрыться!

– Вы питаете ко мне большое доверие, мисс Кроудер? Но ведь и я иногда делаю промахи. В моей практике бывали случаи, когда преступник скрывался как раз в тот момент, когда я уже собирался праздновать победу... А теперь попрошу рассказать мне подробно историю вашего знакомства со Спенсером.

Норма Кроудер покраснела, но исполнила просьбу:

– Еще в прошлом году я была жизнерадостной девушкой, с румянцем на щеках, не знала забот и была полна надежд на счастливую будущность. Я была хорошо обеспечена, так как получила в наследство от дяди капитал в десять тысяч долларов. Полгода назад, в Метрополитен-Опере, я случайно познакомилась с неким мистером Блумфилдом. Это был джентльмен в полном смысле этого слова, все его манеры носили великосветский характер, и я была очень рада такому удачному знакомству... Мне, конечно, и в голову не приходило, что под именем мистера Блумфилда скрывается известный Джерард Спенсер... Он сумел возбудить во мне сердечные чувства к нему. Жил он на широкую ногу и тратил много денег, принадлежавших, наверно, тем несчастным, которых он обманул еще до знакомства со мной. Я его считала богатым человеком с честным, благородным характером. И не буду отрицать, что мое сердце принадлежало ему, что я готова была пойти за него в огонь и в воду...

Она вздохнула и после паузы продолжала окрепшим голосом:

– Но, слава Богу, это прошло. Теперь я глубоко ненавижу его и желала бы, чтобы он понес заслуженное строгое наказание! Дошло до того, что я перевела на его имя все свои сбережения, и именно с того дня, когда я сделала его владельцем своего состояния, я его больше не видела: он исчез с моими десятью тысячами долларов. Оставшись без средств, я была вынуждена искать место учительницы. Безуспешно я пыталась найти обманщика. Деньги пропали бесследно, – я стала нищей. Когда я услышала о других брачных авантюрах, похожих на мой случай, я поняла, что именно Джерард Спенсер, и никто другой, был тем мошенником, который меня обманул. Словом, я уже потеряла всякую надежду и покорно исполняла обязанности учительницы, когда часа два назад...

– Вы его увидели, – закончил Пинкертон.

– Да, я его увидела! Мне нужно было выполнить в городе кое-какие поручения, и на улице Бовери я встретила с ним.

– Скажите, вы уверены, что видели именно его?

– Да, уверена! Правда, раньше он не носил бороды, а теперь у него большая светло-русая борода, но, тем не менее, я уверена, что это он!

– Он вас видел?

– Думаю, что видел, но не узнал. Очевидно, он был погружен в себя.

– А знаете ли вы, куда он шел?

– Да. Я пошла за ним. Он направился в Центральную гостиницу, что на углу 3-й авеню и 14-й улицы. Когда он скрылся в подъезде, я вошла и спросила швейцара, кто этот господин, который входил передо мной. Швейцар ответил, что это мистер Бюллинг, который уже два дня как живет в гостинице. Тогда мне стало все ясно, и я отправилась к вам просить о помощи.

– Вы поступили бы разумнее, если бы немедленно вызвали полицию и велели бы арестовать его!

– Да, но он наверняка ускользнул бы от них!

– Я пойду с вами, мисс Кроудер. Но вам не следует ходить в гостиницу, – лучше, если вы сейчас отправитесь в полицейское управление, спросите там мистера Мак-Конелла и передадите ему мою визитную карточку. Можете ему сообщить, что я, по всей вероятности, доставлю ему редкую птицу!

– Но удастся ли вам одному справиться с этим негодяем?

– Надеюсь, – с улыбкой ответил Пинкертон. – Теперь попрошу вас минуточку подождать меня. Я сейчас вернусь.

Минут через десять вдруг отворилась дверь, и в комнату вошел какой-то незнакомец. Это был настоящий нью-йоркский денди, в светлом костюме и сером цилиндре, рыжеволосый, с моноклем в глазу.

Когда франт развязно подошел к ней, она попятилась:

– Что вам угодно? Я жду мистера Пинкертона!

Ответом был добродушный смех.

– Это я, мисс Кроудер! – произнес незнакомец голосом Пинкертона. – Я только переоделся, чтобы меня не узнал тот господин, которого я собираюсь навестить в гостинице.

– Превосходно! – сказала она. – Спенсер тоже мастер переодеваться, но вы превзошли его в этом искусстве.

Они вышли вместе из подъезда дома, но скоро расстались. Мисс Кроудер отправилась в полицейское управление, а Нат Пинкертон – в Центральную гостиницу.

У дверей элегантного денди встретил швейцар и низко поклонился, увидев в его руке монету.

– Чем могу служить, сэр?

– Не у вас ли остановился мистер Бюллинг?

– Да, он занимает номера четырнадцатый и пятнадцатый.

– Хорошо. Я хотел бы его видеть. Где эти номера?

– На третьем этаже.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Пинкертон увидел, что направо и налево идут полутемные коридоры, куда выходят двери номеров.

Медленно свернув направо, он бесшумно пошел по коридору. В полутьме, царившей там, он с трудом разбирал номера комнат.

– Двенадцать... тринадцать... четырнадцать! Здесь! – отметил он про себя, остановившись перед дверью, за которой скрывался авантюрист.

Ключ торчал снаружи, и Пинкертон, осторожно повернув его, бесшумно запер дверь, чтобы отрезать противнику путь отступления. Потом он подошел к двери 15-го номера, рядом с которой на вешалке было много разной одежды.

Нат Пинкертон сунул правую руку в карман и приготовил револьвер, а левой громко постучал в дверь.

– Войдите! – послышалось из номера.

Сыщик вошел и увидел мужчину с окладистой русой бородой, который при его появлении встал из-за стола. Пинкертон не успел осмотреть обстановку, в которую попал, и не успел проронить ни одного слова, как случилось то, чего он менее всего ожидал в эту минуту.

Позади него раздался легкий шорох открываемой двери, быстрые крадущиеся шаги, и – прежде чем сыщик успел обернуться, он получил такой сильный удар в висок тяжелым предметом, что упал без памяти, не издав ни звука.

– Молодец, Барлок, спасибо! – сказал Спенсер. – Теперь бежим! Эти сыщики – крепкие ребята, и он может скоро прийти в себя!

Две темные фигуры поспешно покинули номер и заперли его снаружи, а раненый, лежавший без чувств на полу, остался один.

Прошло около получаса прежде чем Нат Пинкертон открыл глаза. Он схватился за голову, вспомнил, что с ним произошло, и с проклятьем вскочил на ноги.

Он понял, что попал в ловушку и что преступник снова скрылся. И как это он раньше не подумал о том, что у Спенсера может быть сообщник! Ему стало ясно, что эта хитрая лиса Спенсер знал о его приходе и должным образом подготовился к встрече.

Очевидно, он все же узнал на улице обманутую им мисс Кроудер, но ничем не обнаружил этого. Потом он, наверно, следил за ней, слышал, как она справлялась о нем в гостинице, и последовал за ней, когда она вышла.

Так он выяснил, что она отправилась к Нату Пинкертону, видел девушку в сопровождении «денди», когда они выходили из квартиры сыщика, и поспешил вперед, чтобы достойно встретить его.

– Ну погоди, мерзавец, – прошептал Пинкертон, – ты рано торжествуешь! Теперь я напал на твой след и не отстану, пока не схвачу, даже если бы мне пришлось гоняться за тобой по всему свету!

Сыщик собрался покинуть западную, но тут же понял, что обе двери, как 15-го, так и 14-го номера, заперты на ключ снаружи.

Ключи преступники захватили с собой, рассчитывая выиграть этим время: они полагали, что необходимость взламывать двери задержит преследователя. Но Пинкертон вынул из кармана свою коллекцию отмычек тонкой работы и в мгновение ока открыл одну из дверей.

– Мистер Пинкертон! – раздался в коридоре чей-то голос. Это был инспектор, который явился в сопровождении мисс Кроудер и нескольких полисменов. Он не мог не обеспокоиться после рассказа девушки, когда увидел, что Пинкертона с преступником долго нет.

– Где же Спенсер? – спросил инспектор после краткого приветствия.

Сыщик пожал плечами.

– На этот раз он удрал, – сказал он. – К сожалению, я представил себе это дело слишком легким. К тому же у него был сообщник.

Мисс Кроудер вскрикнула, узнав о происшедшем.

– Успокойтесь, мисс! Он от меня не уйдет, я поймаю его, а за это поражение он заплатит сторицей!

Это заявление успокоило мисс Кроудер, и ее лицо прояснилось. Нат Пинкертон обратился к испуганному швейцару, который стоял тут же:

– Почему же вы мне не сказали, что этот мистер Бюллинг или, вернее, Спенсер остановился здесь не один?

– Вы изволили спрашивать только про него, и я подумал, что вы пришли к нему в гости...

– Я, конечно, не сержусь: ведь вы не знали, что я – Нат Пинкертон, а он – разыскиваемый полицией преступник! Можете ли вы дать какие-нибудь сведения о сообщнике Спенсера?

– Это вы, верно, спрашиваете про его лакея? У Спенсера, который жил здесь под именем Бюллинг, был лакей. С ним они и занимали эти два номера.

– Опишите мне его наружность.

– Невысокого роста, лицо обыкновенное, а затылок прямо как у буйвола. Наверняка – страшной физической силы...

Пинкертон невольно схватился за голову, которая все еще болела:

– Вы совершенно правы, он действительно обладает большой физической силой: я испытал ее на себе самом... Но зато, поверьте, скоро он узнает и мою физическую силу!.. Скажите, этот лакей приехал в гостиницу незадолго до моего прихода?

– Да, – ответил швейцар. – Минут за пять до вашего прихода он подъехал на извозчике и быстро поднялся наверх.

– Так это и был тот, кто по поручению Спенсера следил за мисс Кроудер от гостиницы до моего дома! Увидев меня с ней вместе, он помчался на извозчике сюда, чтобы известить своего хозяина и приготовить мне такую милую встречу... Надеюсь, эти птички недолго будут летать на свободе и скоро попадутся в сети!

Инспектор раскланялся и удалился со своими полисменами, а Пинкертон приступил к подробному осмотру комнат, где жили преступники.

От швейцара он узнал, что, уходя из гостиницы, преступники несли два желтых кожаных чемодана – те самые, с которыми они приехали за два дня до этого. Так что нельзя было и надеяться на какие-либо находки. В самом деле, тщательнейший обыск не дал никаких результатов, пока сыщик не обнаружил под одной кроватью скомканную бумажку. Он развернул ее – это оказалось меню гостиницы «Россия» в Филадельфии.

– Ага, – сказал Пинкертон, – значит, в этой гостинице они жили! Посмотрим, нельзя ли будет там что-нибудь о них узнать!

Он простился с мисс Кроудер, которая отправлялась в город по своим делам и еще раз просила сыщика приложить все старания к поимке мошенников.

Нат Пинкертон отправился в свою контору, чтобы дать помощникам инструкции для поиска преступников.

Здесь ему пришлось лично убедиться в том, что Спенсер имел привычку насмехаться над своими преследователями, от которых ему удавалось ускользать. Его ожидало письмо следующего содержания:

«Многоуважаемому мистеру Пинкертону, самому знаменитому сыщику во всем мире.

Более двух лет я имею удовольствие работать в Соединенных Штатах, а посему позвольте мне выразить Вам мою сердечную благодарность за то, что Вы мне до сих пор ни разу не мешали. Сегодня, наконец, я имел случай познакомиться с Вами лично, правда, переодетым в фатовской костюм.

Впрочем, я всегда считал Вас и на деле фатом. Сохраните на добрую память от меня удар, нанесенный Вам в Вашу пустую голову, и не рассчитывайте увидеть меня когда-нибудь вновь. Будьте уверены, что я ускользнул от Вас бесследно, и Вам впредь не удастся меня схватить.

Поэтому не ищите меня больше и не тратьте на это своего драгоценного времени.

Сердечный привет моей возлюбленной мисс Кроудер, а Вам – прости навеки!

Ваш Джерард Спенсер».

Прочтя письмо, Нат Пинкертон улыбнулся.

– Все то же плоское остроумие, – сказал он. – Я так и думал, что получу нечто в этом роде. Судя по письму, – и я готов биться об заклад, – их здесь теперь уже не найдешь... Но теперь прежде всего надо посмотреть, не узнаю ли я чего-нибудь нового в Филадельфии!

В тот же вечер Пинкертон прибыл в Филадельфию и сейчас же отправился в гостиницу «Россия». Он занял место за столиком в обеденном зале и попросил позвать хозяина.

Он подробно описал ему наружность обоих преступников и выяснил, что они жили в этой гостинице неделю тому назад. Никаких других сведений хозяин ему сообщить не мог.

Пинкертон посмотрел ему прямо в глаза и медленно, выделяя каждое слово, произнес:

– Знаете ли вы, кого вы здесь укрывали? Знаете ли вы, кто тот господин, который проживал у вас здесь с лакеем под именем Джон Холмерс?

– Ради Бога, вы меня пугаете!

– Этот Холмерс – не кто иной, как известный брачный авантюрист и мошенник Джерард Спенсер!

– Не может быть! – воскликнул хозяин. – Невозможно! Я бы никогда не поверил! Может быть, вы ошибаетесь?

Я Пинкертон, – ответил сыщик просто.

Хозяин испуганно посмотрел на него и сказал:

– В таком случае, простите. Я более не сомневаюсь в правильности ваших слов.

– Ответьте мне: не заметили ли вы чего-либо подозрительного в этих господах?

Хозяин задумался, потом покачал головой:

– Я лично ничего такого не знаю... Но, быть может, мой старший официант Бернхард Морбург даст вам какие-нибудь показания. Он прислуживал им и, насколько я помню, неоднократно вел с ними продолжительные беседы.

Старший официант, который все это время прислушивался к разговору, при этих словах подошел к ним. Это был красивый, статный мужчина лет сорока, с открытым честным лицом и большими черными усами. Он был поражен услышанным и сказал, поклонившись сыщику:

– Просто невероятно, чтобы тот Холмерс, которого я считал джентльменом, был всего лишь мошенником! Мне он сказал, что он – английский лорд и разъезжает инкогнито!

Пинкертон попросил официанта сесть.

– При каких обстоятельствах он вам это говорил?

– Я думаю, он сделал это потому, что и я, со своей стороны, открылся перед ним...

– Как?

– Я рассказал ему о своем прошлом.

Вдруг какая-то мысль осенила Морбурга, и он сказал, повернувшись к хозяину:

– Мистер, мне пришло в голову, что этот авантюрист со своим лакеем могли быть именно теми неизвестными ворами, которые украли у меня из сундука все мои сбережения!

– Весьма возможно! – воскликнул хозяин. – Такие люди на все способны. Вот вам и разгадка.

Сыщик попросил их успокоиться и обратился к официанту:

– Вы, судя по фамилии, – немец?

– Да.

– Когда вы обнаружили пропажу денег?

– Дней пять тому назад... Два дня спустя после отъезда мошенников!

– Говорили ли вы им о том, что у вас в сундуке хранятся деньги?

– Нет, не говорил. Да я и вообще никому об этом не рассказывал. Непонятно, откуда можно было узнать, что именно там я храню деньги?

– Очевидно, вор искал что-то другое, при этом нашел ваши деньги и захватил с собой, – спокойно сказал Пинкертон.

– Это невозможно, – возразил официант. – За исключением денег все остальное уцелело.

– И все ваши вещи в целости?

– Да, все.

– Я готов держать пари, что не хватает чего-нибудь еще! – уверенно сказал Пинкертон, но официант только пожал плечами.

– Мистер Морбург, вы говорили, что откровенно рассказывали этому Холмерсу о своем прошлом. В интересах дела прошу вас повторить ваш рассказ, не упуская ничего из того, что вы рассказали им. Думаю, что здесь находится ключ к загадке...

Хозяина в это время отозвали, и официант придвинулся ближе к сыщику.

– Хорошо, мистер Пинкертон, – сказал он тихо. – Я не буду от вас ничего скрывать, хотя не думаю, что мой рассказ может повлиять на исход этого дела... Моя настоящая фамилия не просто Морбург, а граф Тайно фон Морбург. Отец мой, старый граф Бодо фон Морбург, – богатый вдовец, живет в Берлине. Моя мать умерла, когда мне было десять лет. Так как отец мой относился ко мне очень строго и даже сурово, то после смерти матери отроческие и юношеские годы мои протекали далеко не весело. Когда мне минуло двадцать лет, я стал выражать недовольство по поводу чрезмерных строгостей и принуждений со стороны отца. Я начал кутить по ночам, и когда отец узнал об этом, он проклял меня и выгнал из дома с ничтожной суммой денег, которой едва хватило на проезд сюда, в Америку. Уже двадцать два года я живу безвыездно в Соединенных Штатах и за это время добывал средства к жизни самыми разнообразными способами, начиная от чистильщика сапог, дворника, полотера и тому подобное. При этом я все время откладывал немного денег на черный день. Как вы знаете, я успел скопить приличную сумму, и теперь – все пропало!

– И за все это время вы ни разу не обращались к своему отцу?

На лице Морбурга появилась гордая улыбка.

– Нет, я никогда к нему не обращался и обращаться не намерен! Он выгнал меня из дому без всяких средств, на произвол судьбы, а я ведь перед ним ни в чем не провинился. Я этого не могу забыть и никогда ему не прощу. Я скорее готов умереть, чем вернуться к нему или обратиться с какой-нибудь просьбой!

– И все это вы рассказали Спенсеру?

Официант кивнул головой.

– Хорошо, – сказал Пинкертон. – Позвольте мне задать вам еще один вопрос: храните ли вы документы, доказывающие ваше происхождение?

– Конечно!

– Где?

– В моем сундуке.

– Думаю, что этих бумаг у вас больше нет...

Морбург вскочил и уставился на сыщика.

Потом он понял, о чем идет речь.

– Не может быть! – воскликнул он. – Я сейчас взгляну!

Он выбежал из ресторана, а Пинкертон пошел за ним. Официант вбежал в свою комнату, открыл сундук и, после недолгих поисков, достал черную сумку, в которой хранил свои бумаги. Он открыл ее и вскрикнул: сумка была пуста.

Мертвенно-бледный, стоял он, глядя в пустую сумку, и тяжело вздыхал.

Пинкертон положил ему руку на плечо и сказал:

– Ничего не поделаешь, мистер Морбург, вы должны отправиться со мной в Германию – к вашему отцу.

– К моему отцу? Никогда... – пробормотал граф.

– Вы хотите, чтобы этот обманщик с вашими документами в руках явился к вашему отцу как блудный сын и получил бы все то, что по праву принадлежит вам? Наконец, разве вы допустите, чтобы вашему отцу угрожала опасность? А со стороны этих мошенников, уверяю вас, она неминуема!

Морбург все еще медлил.

– Но ведь можно воспользоваться телеграфом, чтобы предупредить германскую полицию и попросить ее задержать преступников сразу по их прибытии в страну...

– Нет, – возразил сыщик. – Спенсер – слишком опытный мошенник. Он наверняка не разъезжает ни под фамилией Морбург, ни Спенсер, ни Холмерс. Одна из специальностей этого авантюриста – похищение чужих документов, так что он путешествует совершенно безбоязненно, пользуясь теми, которые ему более всего на данный момент подходят. К тому же он крайне ловок и опытен в искусстве переодевания. Так что он уйдет от нас при малейшей неосторожности с нашей стороны. Поэтому я считаю совершенно излишним сообщать о происшествии германской полиции. При первом же подозрении Спенсер бесследно исчезнет. Нам, очевидно, самим придется пересечь океан.

После недолгой внутренней борьбы Тайно Морбург протянул сыщику руку.

– Пусть будет так, – сказал он. – Я отправляюсь с вами в Берлин.

Через четыре дня после этого разговора Нат Пинкертон и граф Тайно фон Морбург отплыли на одном из быстроходных судов Гамбургско-Американской паровой компании в Германию.

Глава 2

В доме графа Морбурга

Прибыв в Берлин, Нат Пинкертон связался с местной полицией, и ему была предоставлена полная свобода действий.

Как оказалось, преступник, которого он преследовал, был хорошо известен и там. Несколько лет назад он подвизался в разных столичных городах, не раз был подвергнут тюремному заключению и скрылся из Берлина после отбытия последнего срока.

Граф Гайно фон Морбург, с которым Пинкертон приехал в Германию, до поры до времени жил инкогнито, как этого желал сыщик. Пинкертон отлично знал, что Спенсер – человек отчаянный и, почуяв опасность ареста, не остановится перед тем, чтобы пустить в ход револьвер. Поэтому он решил взять его хитростью.

Гайно фон Морбург остался в гостинице, а Пинкертон отправился в западную часть Берлина, где на аристократической тихой улице в роскошном особняке жил старый граф.

Никто бы не мог предположить, что под видом плохо одетого, простоватого прохожего скрывается самый опытный и известный у себя в стране сыщик: на Пинкертоне был поношенный костюм, на лицо он положил сильный румянец и приклеил каштановые баки и усы. Вообще наружностью своей он походил на старого, немного опустившегося английского лакея.

Подойдя к калитке графской виллы. Пинкертон нажал кнопку электрического звонка. Калитка отворилась, и он направился к дому по дорожке, посыпанной песком. За приоткрытой дверью дома его поджидал лакей, с любопытством осматривавший пришельца.

Пинкертон вежливо поклонился:

– Меня зовут Генри Тейлор. Я хотел бы поговорить с графом.

– Что же вам нужно от его сиятельства? – спросил лакей.

– Я хотел бы получить какое-нибудь место. Может, здесь мне повезет – доложите, пожалуйста, графу.

– Не иначе, сами черти привели вас сюда с вашей просьбой. Предупреждаю вас, что служить в этом доме – чистая каторга. Граф привередлив, и бывают времена, когда любой из его слуг охотно удрал бы отсюда.

– Может, и так, – пробормотал Пинкертон, – только я привык переносить всякие капризы. За свою жизнь я и не с такими господами ладил.

Лакей открыл двери шире.

– Ну заходите, я доложу о вас, но сомневаюсь, чтобы вас приняли: молодой граф, недавно вернувшийся из Америки, находится сейчас у своего отца, старого графа.

Лакей ушел, а Пинкертон стал осматривать прихожую. Уже по ней он мог судить, что находится в доме, который обставлен с беспримечной роскошью и большим вкусом. Ждать пришлось недолго, так как лакей скоро вернулся.

– Ваше счастье! – сказал он. – Сегодня камердинеру Жану попало от старого графа, поэтому он приказал вас впустить. Но мой вам совет – откажитесь от этого места.

– Простите, но я буду рад, если снова найду себе кусок хлеба. В моем положении нельзя быть разборчивым.

– В это нетрудно поверить, – сказал лакей. – Идите за мной.

Он повел Пинкертона вверх по широкой, устланной мягкими коврами лестнице и открыл дверь в роскошный кабинет.

Пинкертон вошел и низко поклонился.

Перед ним за письменным столом сидел старый граф. У него была величавая фигура, довольно редкие седые волосы и длинная, окладистая белая борода. Около него стоял высокий элегантный молодой человек. Это был Джерард Спенсер.

Пинкертон сразу узнал его, несмотря на то, что он выкрасил в черный цвет волосы и бороду, бывшую в Нью-Йорке светло-русой.

– Этот человек здесь? – спросил старый полуслепой граф.

– Да, папа, – ответил мнимый сын.

– Вы ищете место? Приходилось ли вам служить камердинером?

– Так точно, ваше сиятельство. У меня имеются самые лучшие рекомендации, – сказал Пинкертон.

– Как вас зовут?

– Генри Тейлор.

– Вы англичанин? – спросил, в свою очередь, молодой «граф».

– Точно так, хотя вот уже шесть лет как служу в Германии.

– Тайно, сын мой, нравится тебе этот человек?

– Хм... Н-нда... Что ж, неплох!

Похоже, молодой «граф» хотел сказать что-то другое, но, видимо, передумал, увидев на лице посетителя обращенную к нему немую просьбу.

– Можете ли вы сейчас приступить к исполнению своих обязанностей?

– Точно так. Я уже восемь дней без места.

– Тогда я вас беру, – решил граф Бодо фон Морбург. – Я недоволен моим камердинером, и он может сейчас же уходить, я прикажу его рассчитать. Вас, конечно, я буду звать Жан, так как привык к этому имени.

– Покорно благодарю, ваше сиятельство, – сказал Пинкертон, – и надеюсь, что вы будете мною довольны.

Новый лакей пошел за своими вещами. Когда он убедился, что за ним никто не следит, то прямо поехал в гостиницу, где остановился настоящий молодой граф Морбург. Там Пинкертон обрисовал ему положение дел, потом взял два плохоньких серых чемодана и поехал на извозчике к графскому дому.

Полчаса спустя он уже щеголял в графской ливрее, но работы в этот день у него почти не было.

Спенсер окликнул его, хлопнул по плечу и сказал, улыбаясь:

– Слушайте, дорогой Тейлор, вы – мой должник: вы всецело обязаны мне тем, что получили это прекрасное место. Впрочем, я помог вам потому, что люблю англичан.

Пинкертон низко поклонился:

– Я от всей души благодарен вам, ваше сиятельство, и не забуду того, что вы для меня сделали.

Спенсер повернулся и собрался уже уйти, как вдруг на лестнице появился его личный лакей. Это был человек с приземистой крепкой фигурой и крайне хитрым лицом.

– Ты весьма кстати пришел, Вильям! – воскликнул Спенсер. – Ступай ко мне в комнату, мне надо с тобой поговорить. Через пять минут я приду.

Лакей поклонился и поднялся наверх. Пинкертон невольно сжал кулаки, так как понял, что этот Вильям и есть сообщник Спенсера, что это его удар поверг его на пол в Центральной гостинице Нью-Йорка.

«Погоди же, братец, – подумал он, – удар этот я верну тебе с процентами».

Тем временем Спенсер скрылся в комнате старого графа. Тогда Пинкертон бесшумными шагами стал подниматься вверх по лестнице: он должен был знать, – на всякий случай, – что Спенсер собирался передать своему сообщнику.

Он видел, как лакей вошел в одну из комнат второго этажа, и тут же тихо пробрался в соседнее помещение. Отсюда в спальню мнимого графа вела дверь, завешанная порттьерами. Дверь эта была полуоткрыта, и Пинкертон, спрятавшись за порттьерой, мог обозревать всю комнату.

В спальне на кушетке лежал Вильям в самой непринужденной позе. Он курил сигару своего «господина» и небрежно выпускал дым. Когда несколько минут спустя в комнату вошел его «барин», он даже не встал с места.

– Как дела? – дружески спросил он «графа». – Что ты хотел мне сказать?

– Настало наконец время для выполнения нашего замысла, – сказал Спенсер, усаживаясь возле Вильяма.

– Значит, сегодня ночью все должно быть сделано?

– Обязательно! У старика в несгораемом шкафу сейчас лежит громадная сумма денег. Сегодня вечером в ресторане «Кайзеркеллер» я встречаюсь с компанией аристократов, с которыми познакомился через старика. Этим моя непричастность будет вполне доказана. Ты же достанешь ключи из брюк старика, которые висят около его постели, и пойдешь в соседнюю комнату, к несгораемому шкафу. Возьми все, что там найдешь, и спрячь хорошенько. Если старик проснется, успокой его навеки!

– Согласен, – ответил сотоварищ, – но с условием, что половина – моя. Иначе и рук марать не буду.

– Хорошо, – сказал Спенсер. – Только сделай все чисто: тогда ты навсегда освободишься от зависимости, в которой сейчас находишься.

– Тогда уж я основательно поработаю и не оставлю в шкафу старика ни гроша!

– Часа в два я вернусь домой. К этому времени все должно быть закончено.

– Ладно, – согласился Вильям. – Весьма кстати рассчитали сегодня старого камердинера Жана.

– Преемник его совсем не опасен, – сказал Спенсер, потирая руки. – Судя по его лицу, он любит выпить, и я думаю, что этим вечером несколькими стаканами рома ты его полностью обезвредишь.

– Будет исполнено!

– Кажется, условились обо всем... Еly а теперь ступай исполнять свои обязанности: надо избегать всего, что может возбудить подозрение.

Пинкертон решил, что слышал достаточно. Он покинул свою засаду, вышел из комнаты и быстро спустился с лестницы. Вскоре появился и Вильям. Новому камердинеру нетрудно было заметить, что лакей молодого «графа» желает с ним подружиться.

– Послушайте, Жан, – сказал ему Вильям, – давайте посидим сегодня вечером в столовой. Я ведь тоже англичанин, и мы за бутылочкой доброго виски вспомним нашу родину, потолкуем!

Пинкертон охотно согласился. Часть вечера он провел возле старого графа. Мнимый графский сын зашел попрощаться перед уходом в «Кайзеркеллер». Старик, конечно, не подозревал, какая опасность грозит ему. С помощью лакея он разделся и лег в постель, около которой, по его указанию, камердинер повесил его платье.

Пинкертон пожелал своему господину спокойной ночи и вышел из спальни. У дверей его уже поджидал Вильям. Он повел его в столовую, где были приготовлены три бутылки виски.

Они сели за стол. Вильям начал свои рассказы про старую Англию и про разные проделки, которые он будто бы вытворял в местах службы, не забывая в то же время подливать живительной влаги своему собеседнику. Генри Тейлор пил охотно. Вильям не заметил, что новый камердинер ловко выливал виски в специальный сосуд, заготовленный им для этого еще днем и поставленный около того места, где он предполагал сесть.

Задолго до полуночи у Пинкертона стал заплетаться язык. Было очевидно, что он опьянел. От него не скрылось довольное выражение лица Вильяма. Наконец «камердинер», покачиваясь, поднялся и заявил, что идет спать.

Вильям по-дружески дотащил его до спальни, причем ему пришлось пустить в ход всю свою физическую силу, чтобы поднять по лестнице своего упившегося до бесчувствия собутыльника. Наверху он без дальнейших церемоний бросил его на кровать:

– Теперь проспись как следует!

Но лишь только он вышел, как Пинкертон вскочил, сбросил ботинки и крадучись пошел за преступником. Вильям сперва зашел в свою комнату, которая находилась в среднем этаже. Пинкертон же продолжал спускаться, пока не добрался до спальни старика. Ему удалось тихо проникнуть в спальню и незаметно укрыться за экраном, стоявшим около печки.

Старый граф лежал и тихо спал. В тишине было слышно его равномерное дыхание. Ночник на столике около кровати распространял по комнате неяркий свет. Тихо тикали роскошные часы из мейсенского фарфора, стоявшие на камине.

Пробило полночь. В доме царила мертвая тишина. Пинкертон достал короткий железный прут, которым он «ошеломил» на своем веку не одного преступника. В другой руке он уже держал наготове револьвер.

Прошло около получаса, как Пинкертон сидел в своей засаде, и вдруг до его слуха дошел какой-то тихий шорох со стороны коридора...

Вот бесшумно открылась дверь, и на пороге показался Вильям. Он крался пригнувшись, словно хищник, и на минуту остановился у входа. Зорко смотрел он на кровать, его глаза горели зловещим огнем, а в правой руке его блестело лезвие острого кинжала.

Когда он убедился, что старый граф спит, он тихо подкрался к постели и принялся рыться в одежде графа. Он осторожно запустил руку в карман брюк и потащил оттуда связку ключей.

Он хотел уже ретироваться, но ключи зазвенели у него в руке. В тот же момент старый граф проснулся и приподнялся на постели. Полуслепой, он не мог видеть грабителя, но чутье ему подсказало, что здесь кто-то чужой.

– Что случилось? Кто здесь? – вскрикнул он испуганно.

Вильям испустил проклятие и, занеся кинжал, бросился на старика.

Но Пинкертон оказался быстрее: он выскочил из своей засады, и его короткий железный прут дважды опустился на голову преступника. Тот без звука замертво рухнул на ковер. Граф, которого Вильям уже успел схватить одной рукой, лежал почти без чувств от испуга.

– Успокойтесь, граф, – мягко сказал Пинкертон. – Ваша жизнь висела на волоске, но я успел вовремя и обезвредил преступника... Я ведь только для вида поступил к вам камердинером. В действительности же я – Нат Пинкертон, сыщик из Нью-Йорка. Я преследовал по пятам двух преступников, которые с похищенными документами графа Тайно фон Морбурга поселились у вас в доме, выдавая себя за вашего сына и его лакея...

Выслушав это сообщение, старик испустил крик ужаса и потерял сознание. Тем временем Нат Пинкертон связал лежавшему на полу преступнику руки и ноги, совершенно лишив его возможности двигаться.

– Вот так-то, голубчик! – приговаривал он при этом. – Теперь я вернул тебе твой нью-йоркский удар, и с процентами, а от моих ударов тебе будет хуже, чем мне от твоих!

Затем он разбудил нескольких слуг, которым вкратце рассказал, в чем дело, велел перетаскивать преступника в другую комнату и караулить его. Некоторым из них он приказал оставаться у старого графа, а сам удалился в свою комнату и быстро переоделся.

Спустя некоторое время он предстал перед удивленными слугами настоящим джентльменом. На нем был элегантный черный фрачный костюм, и в белоснежной сорочке блестели бриллиантовые запонки. Фальшивые баки и усы исчезли, как, впрочем, и красный цвет лица.

– Вот и я, господа! Правда, теперь я выгляжу несколько иначе и мало похож на камердинера Жана... Смотрите же хорошенько за преступником, чтобы он не удрал от вас!

Лакеи обещали смотреть в оба. Им даже доставляло удовольствие стеречь опасного мошенника, особенно когда он был связан по рукам и по ногам.

Нат Пинкертон наскоро переговорил с графом Бодо, который уже пришел в себя, и дал ему полное разъяснение всего происшедшего. Старика очень обрадовало известие о том, что его настоящий сын все-таки приехал из Америки: отец много лет тосковал по своему сыну и искренно раскаивался в своем поступке...

Глава 3

Арест Спенсера

Часы пробили час ночи, когда Нат Пинкертон сел в шикарный наемный экипаж.

– В «Кайзеркеллер»! – крикнул он кучеру.

По пути он обдумывал, как арестовать Спенсера. С таким опытным преступником надо быть крайне осторожным. Если он прямо подойдет к нему и схватит за руку, то не избежать отчаянного сопротивления, последствия которого могут быть самыми печальными. Пинкертон не мог предпринять ничего, что могло бы возбудить хоть малейшее подозрение Спенсера, покуда тот не будет лишен всякой возможности сопротивляться. Тем не менее, когда знаменитый сыщик вышел из экипажа у ресторана, план действий уже созрел в его голове. Он велел позвать одного из распорядителей.

– Я хотел бы видеть господина...

И он сделал вид, будто не может вспомнить имени.

– Черт возьми! Забыл фамилию... Ну, словом, того господина, который сидит рядом с графом фон Морбургом.

– Графом фон Морбургом?

– Ну да, у него еще окладистая черная борода.

– А, теперь понимаю! Эти господа здесь! Вам, может быть, нужен господин фон Зольбах?

– Да, он! Попросите его сюда на минутку.

– Слушаюсь.

Распорядитель ушел, и через несколько минут в прихожей появился очень элегантно одетый господин. Он остановился у дверей, удивленно ища глазами того, кто его вызывал. Сыщик подошел к нему и вежливо поклонился:

– Я имею честь видеть господина фон Зольбаха?

– Да, – ответил тот. – Это вы хотели говорить со мной? Но я не имею удовольствия вас знать...

– Я лорд Эсдерс, – ответил Пинкертон, – и хотя я не знаком с вами, я много слышал о вас, а потому позволю себе обратиться к вам с почтительной просьбой.

Фон Зольбах учтиво ответил:

– Я вполне к вашим услугам, милорд!

– Видите ли, дело в том, – сказал Пинкертон, – что я хотел бы с полчаса понаблюдать за одной личностью, которая находится сейчас здесь, в этом ресторане. Для этого мне надо бы незаметно пройти в зал, и я прошу вас сопровождать меня, словно старого знакомого. Подведите меня к вашему столу и представьте моему обществу!

Зольбах медлил с ответом: дело требовало некоторого размышления. Но Пинкертон сказал сердечно:

– Даю вам честное слово, что вы и ваши друзья в течение часа узнают о причинах моего поведения!

Тогда Зольбах решился:

– Хорошо, идемте! Я питаю к вам доверие: судя по вашей внешности, нельзя предположить, что у вас есть какой-то коварный замысел.

Зольбах тотчас же вошел в роль. Он взял Пинкертона под руку и прошел с ним через весь зал до столика, где сидели его знакомые. Столик стоял в самом углу, и Пинкертон сразу увидел, что Спенсер все еще там, среди всех этих нарядных дам и господ.

– Позвольте, господа, – сказал Зольбах, – представить вам лорда Эсдерса, с которым я познакомился в Лондоне. Я от души рад, что лорд разыскал меня здесь...

– Надеюсь, я вам не помешаю, господа, – произнес Пинкертон с сильным английским акцентом. – Но я хотел перед отъездом провести хоть час в обществе моего друга Зольбаха.

Зольбах познакомил мнимого лорда со всеми присутствующими, в том числе и с «графом» Тайно фон Морбургом, который вежливо поклонился незнакомцу.

Пинкертон сел за стол напротив Джерарда Спенсера. Он вступил с присутствующими в разговор самого невинного характера и особенно много говорил с Зольбахом, который все-таки незаметно для других относился к нему с легким недоверием. «Граф» Морбург несколько раз обратился к мнимому англичанину с вопросами:

– Вы давно в Берлине, милорд?

– Да, – ответил Пинкертон, – и я сильно скучаю.

– Вы путешествуете по Германии ради удовольствия?

– Я приехал сюда на охоту, – ответил сыщик. Никто из присутствующих и не догадывался, за какой дичью охотится этот «лорд».

– А бывали ли вы в Америке? – спросил Спенсер,

– О да! Я бывал в Нью-Йорке и в других больших городах и много там охотился.

– Охота, должно быть, ваша страсть, милорд?

– Да, только я люблю охотиться на редкую дичь, – ответил Пинкертон.

Одна из молодых дам спросила:

– Значит, вы и на гризли, наверно, охотились?

– О да! А также на еще более опасных зверей, – ответил с достоинством «лорд». – Какой у вас роскошный браслет, миледи!

Он заметил это как бы вскользь, глядя на украшение, сверкавшее на белоснежной руке молодой дамы.

Дама, смеясь, кивнула и сказала, что это – старая фамильная драгоценность, доставшаяся ей по наследству.

– Я нахожу, что носить браслеты действительно пристало дамам, но когда их носят мужчины, это уже безобразие, – сказал «лорд». – Посмотрите, господа, – наши руки слишком грубы, чтобы надевать на них такие изящные вещи!

Говоря это, «лорд» осмотрел свои руки, потом взглянул на руки Спенсера.

– Вот у графа, кажется, такие чудесные белые руки, что на них, пожалуй, кстати были бы браслеты, – сказал он, смеясь.

«Граф» невольно положил руки на стол и отогнул манжеты:

– Вы немного увлекаетесь, милорд, я...

Больше он не успел ничего сказать. Сыщик с быстротой молнии вскочил, раздался лязг металла – и страшное проклятие вырвалось из груди Спенсера.

– Вот настоящие браслеты для таких мошенников, как вы, мистер Спенсер! – спокойно заявил Пинкертон, с изумительной ловкостью защелкивая на руках мнимого графа Морбурга наручники специальной конструкции.

Все присутствующие были как громом поражены случившимся, а сыщик хладнокровно вытащил револьвер и направил его на ошеломленного преступника,

– Вы арестованы, Джерард Спенсер! Ни с места, или я вас убую!

Хладнокровное приказание Пинкертона и дуло револьвера заставили Спенсера покориться. Но он пришел в еще больший ужас, когда Пинкертон обратился к присутствующим со словами:

– Простите, господа, если я нарушил ваше веселье. Но я исполнял свой долг. Я – Нат Пинкертон, сыщик из Нью-Йорка, а этот человек – опасный брачный авантюрист и мошенник. Он украл у сына графа фон Морбурга его документы и воспользовался ими, чтобы втереться в ваш круг.

Присутствующие не верили своим ушам. А Спенсер, бледный как смерть, проворчал:

– Нат Пинкертон!.. Этот дьявол преследовал меня до самого Берлина!..

– До свидания, господа! – сказал сыщик. – Если кто из присутствующих пожелает отправиться со мной в полицию, то узнает там кое-какие интересные подробности!

Зольбах и еще один господин решили воспользоваться приглашением. Поступок сыщика был до такой степени смел, что никто не сомневался в правдивости его слов и даже не подумал вступить за преступника, которого они знали лишь несколько дней.

– Идемте, Джерард Спенсер! К сожалению, я не могу сейчас же забрать вас с собой в Америку: вам сначала придется еще в Германии отвечать за попытку ограбления и убийства графа фон Морбурга. К счастью, ни то, ни другое не удалось совершить вашему сообщнику Вильяму.

Эти слова пали на голову Спенсера подобно удару молота. Молча, с поникшей головой вышел он за сыщиком из ресторана и был доставлен на извозчике в полицию. Около самого управления он пытался было бежать, но железная рука Пинкертона осадила его.

– Видите – то, что вы любезно писали мне еще в Нью-Йорке, не сбылось: мы все-таки встретились еще раз. И при новой встрече вы даже помогли мне устроиться камердинером к старому графу.

– Так это были вы! – прошипел Спенсер.

– Да, вы не узнали меня в наряде лакея, питающего слабость к спиртным напиткам...

Арестованный больше не разговаривал. Он понял, что на этот раз проиграл.

На следующий день Спенсер сознался во всем. Сначала он упрямылся и отпирался, но когда в комнату судебного следователя вошел Пинкертон в сопровождении настоящего графа Тайно фон Морбурга, пришлось покориться.

Преступник вздрогнул, когда увидел графа. Барлок, которого привели в кандалах, также немедленно признал его. Спенсер бросил на сыщика взгляд, полный злобы, к которой, однако, примешивалось удивление и уважение.

– Как вы смогли обо всем узнать? – спросил он сыщика. Тот спокойно опустил руку в карман, вынул оттуда бумажку и показал преступнику. Это было меню гостиницы «Россия» в Филадельфии,

– Вы оставили это в Центральной гостинице в Нью-Йорке...

Спенсер выругался.

– В другой раз я буду осторожнее!

Пинкертон улыбнулся:

– Боюсь, что вам, мистер Спенсер, придется очень долго ждать другого раза!

Из признаний обоих преступников выяснилось, что все события происходили именно в той обстановке и в том порядке, как их выстроила проницательность Пинкертона.

Со своим сообщником, Барлоком, Спенсер познакомился в Чикаго. Он посулил ему золотые горы и сделал его своим «лакеем» и соучастником преступлений. Барлок и сам к тому времени уже был матерым преступником, которого давно разыскивали правительства Соединенных Штатов и Англии.

Во время своих совместных скитаний они прибыли в Филадельфию и остановились в гостинице «Россия». Откровенность официанта, который проникся доверием к лорду, за которого выдавал себя Спенсер, навела их на мысль воспользоваться неожиданным открытием.

Пока мнимый лорд разговаривал с официантом, Барлок отправился наверх, в его комнату, открыл отмычкой сундук и похитил бумаги. Захватил он и деньги, не сказав о них Спенсеру ни слова (он только сейчас узнал об этом).

Спенсер совершенно не опасался преследования. Он знал, что сын старого графа никогда не обратится к своему отцу, даже если окажется в крайне бедственном положении, и поэтому преспокойно взялся за дело.

В Берлине он отыскал графа Бодо фон Морбурга и бросился ему в ноги, моля о прощении. Старик простил его, помирился с ним, и он стал играть роль хозяина в графском доме. Его план заключался в том, чтобы присвоить все наличное состояние старика, поручив лакею украсть деньги, и удрать потом со своей добычей.

Из своих брачных афер Спенсер признал очень немногие. Авантюру с мисс Кроудер он не мог не признать, так как в письме, посланном перед отъездом из Нью-Йорка Пинкертону, он сам подтвердил, что знаком с ней.

Спенсер и его сообщник были приговорены в Берлине – за попытку ограбить и убить старика – к восьми годам тюремного заключения. Кроме того, им «улыбалась» перспектива после отбытия этого наказания быть выданными Соединенным Штатам, где за все их многочисленные преступления им грозило по крайней мере десять лет каторги.

Поэтому Нат Пинкертон был совершенно прав, когда сказал Спенсеру, что ему придется долго ждать «другого раза»...

Граф Гайно фон Морбург помирился со своим седым отцом и сделался наследником несметных графских богатств. Нат Пинкертон отправился на родину, но по пути, когда он проезжал через Гамбург, ему довелось раскрыть в Германии еще одно загадочное преступление, к рассказу о котором мы и переходим...

Пираты гудзоновой реки

Глава I Важный разговор

Судовладелец и крупный коммерсант Балдуин Кинлей возбужденно шагал взад и вперед по своему кабинету.

Старик озабоченно качал своей благородно седой головой, и голубые глаза его мрачно смотрели из-под нависших бровей.

Наконец он остановился у окна, отдернул слегка в сторону тяжелые гардины и взглянул на шумную, полную деловой суеты главную улицу Нью-Йорка.

Перед его домом в этот момент остановилось несколько огромных подвод, перед которыми тотчас открылись ворота.

Подъемный кран был приведен в движение, и на подводах быстро начали нарастать целые горы тяжелых ящиков и тюков. Рядом с краном стояли двое служащих с тетрадами в руках, в которых они отмечали число зафрахтованных тюков. Когда подвода наполнялась доверху, ее место занимала следующая; сильные ломовые лошади отвозили нагруженные подводы к реке Гудзон, по которой товары доставлялись на баржах до Большого нью-йоркского рейда, где уже окончательно перегружались на большие океанские пароходы, которые в огромном количестве покрывали своими высокими мачтами и белыми парусами всю нью-йоркскую гавань, готовые к отплытию во все страны света.

Гордо поднял голову старик, увидев перед глазами эту картину – результат его трудов и таланта.

Он имел право гордиться, глядя на плоды своей кипучей деятельности, которая помогла ему превратиться из мелкого торговца в могущественного финансиста и судовладельца. Он был одним из главных тузов в торговом и судовладельческом мире Нью-Йорка и на всем Соут-стрит он не имел соперника по финансовому могуществу.

Но вот черты его лица нахмурились и он отошел от окна.

Мимо него внизу по мостовой проехал элегантный кеб. На заднем сиденье восседал ливрейный лакей, внутри экипажа развалился на подушках молодой человек с манерами истинного янки. По его толстому животу извивалась массивная золотая цепь от часов, а на полное безбородое лицо падала тень от изящной шляпы-панамы. Казалось, человек этот при проезде мимо дома Кинлея бросил надменный, злобный взгляд на окна финансиста.

Старый джентльмен усталым движением опустил в кресло перед письменным столом и озабоченно подпер рукой голову. Он так глубоко погрузился в свои думы, что не расслышал легкого стука в дверь и затем шагов вошедшего в кабинет лакея.

Вошедший слегка кашлянул, и лишь тогда старик заметил его:

– В чем дело, Джон?

– Какой-то господин хочет видеть, вас, сэр. Он отказался назвать мне свое имя. Он приказал мне так и доложить.

– Впустите его.

Кинлей говорил звонким, энергичным голосом, в котором сразу была заметна привычка повелевать.

Сэр Балдуин Кинлей бросил на себя быстрый взгляд в зеркало, чтобы убедиться, что лицо его достаточно непроницаемо, чтобы скрыть заботы и невзгоды от постороннего взора.

В этот момент послышались твердые шаги, и после лаконичного «войдите» со стороны хозяина на пороге появился незнакомый Кинлею господин. Интеллигентное безбородое лицо его с первого взгляда показывало, что обладатель его одарен недюжинными способностями, а в серых пронизывающих глазах этого человека светилась энергия и предприимчивость.

Кинлей вопросительно взглянул на посетителя.

– Мое имя – Нат Пинкертон. Вы, сэр Кинлей, просили меня зайти к вам.

Кинлей с оживившимся радостным лицом подошел к великому сыщику и протянул ему обе руки:

– Приветствую вас, мистер Пинкертон. Ваше появление у меня снимает с моей души великую тяжесть. Прошу садиться.

Усаживаясь, сыщик скользнул взглядом по внушительной гордой фигуре финансиста, а также успел оглядеть до мелочей всю обстановку комнаты. Наконец он вопросительно взглянул на своего собеседника.

– Не знаю, мистер Пинкертон, – начал Балдуин Кинлей, – известно ли вам об огромных убытках, понесенных в последнее время моим Торговым домом благодаря целой шайке разбойников. Вы, вероятно, слышали уже не раз о подвигах речных пиратов, появившихся на реке Гудзон. По каким-то таинственным причинам больше всего от этих господ страдает моя фирма, скажу вам даже, что в течение последних трех месяцев убытки достигли миллиона долларов. Если дело пойдет так и впредь, моей всемирно известной фирме грозят в ближайшем будущем крупные финансовые затруднения.

Пока старик говорил, Нат Пинкертон вынул из кармана газету и, когда собеседник его замолчал, прочел из нее ему вслух несколько строк, напечатанных мелким шрифтом. Строки эти гласили следующее:

«Прошлой ночью отчаянным „пиратам Гудзоновой реки" вновь удалось овладеть большим грузом шелковых материй, перевозившихся фирмой „Балдуина Кинлей" на одной из собственных барж в коммерческую гавань. Это уже пятый по счету случай за последние четыре месяца, когда означенная фирма является жертвой этой смелой шайки. Убыток, понесенный фирмой за этот указанный выше срок, составляет около миллиона долларов. Пираты привели свой план в исполнение с беспримерной дерзостью. За полчаса ходу от Габокен-Пирса буксир, который вел означенную баржу с товарами, перерезал дорогу небольшой паровой катер. Он ловко причалил к самому борту буксира, и на палубу последнего с катера соскочило десятка два-три людей с ружьями, которые моментально справились со шкипером и всей малочисленной командой буксира. Люди были связаны и отведены в трюм буксира, а груз с баржи был увезен катером в неизвестном направлении. И сами разбойники, и все похищенные товары как в воду канули. Полицейские катера, число которых увеличено вдвое со времени появления пиратов, не заметили ничего подозрительного. Буксир со связанным экипажем и опустошенной баржей был найден рано утром полицейским катером вблизи Габокен-Пирса».

Нат Пинкертон закончил чтение и задумчиво устремил взор перед собой, а финансист только глубоко вздохнул.

Сыщик первый нарушил молчание:

– Сэр Кинлей, так как вы хотите оказать мне доверие и поручить мне преследование шайки, то первой вашей обязанностью будет рассказать мне о ваших отношениях, как деловых, так и интимных, со всеми теми людьми, с которыми вам приходится соприкасаться. Лишь при этом условии я могу надеяться на успех. Окажите мне полное доверие – и вы увидите, что не напрасно обратились ко мне за помощью.

– Вы вселяете в меня новые надежды на успех, мистер Пинкертон, – горячо ответил коммерсант. – Спрашивайте меня обо всем, что найдете нужным, – и вы получите ответ на каждый предложенный вами вопрос.

При последних словах Кинлея глаза Пинкертона обратились на красную портьеру, находившуюся на противоположном конце комнаты. Ему показалось, будто она слегка зашевелилась.

Одним прыжком сыщик очутился перед портьерой и быстрым движением руки отдернул ее в сторону. Там все было пусто, но Пинкертон успел заметить, что противоположная дверь закрылась как раз в тот момент, когда он распахнул портьеру.

Он вернулся на свое место:

– Мне показалось, что кто-то подслушивает за этой портьерой, а так как мое посещение должно остаться в тайне, то я счел лучшим тотчас же убедиться в том, был ли там кто или нет.

– Дверь эта ведет в комнату моего клерка, который стоит выше всяких подозрений. Он сам вне себя от гнева на разбойников и целыми днями только и занят мыслью о том, как бы изловить всю их шайку. В своих опасениях он дошел до того, что заподозрил даже моего шкипера в соучастии с шайкой. Я рассчитал последнего и нанял нового, но, к сожалению, и это не помогло, так как разбойникам после этого повезло еще больше.

Сыщик многозначительно улыбнулся при этих словах:

– Вы лично нанимали нового шкипера?

– Нет. Делами подобного рода распоряжается всегда мой клерк.

– Есть ли у вас, сэр, враги, которые были бы заинтересованы в вашем разорении?

Коммерсант подумал минуту и сказал:

– Я не могу припомнить ни одного случая, который мог бы дать основание предположить, что у меня есть враги, заинтересованные в моих неудачах.

– А как обстоят у вас дела с рабочими, сэр? Быть может, ответ на этот вопрос покажется вам затруднительным в некотором отношении, но, тем не менее, я прошу откровенного ответа. Не относитесь ли вы слишком строго к вашим людям и не платите ли вы им слишком малую плату? Не было ли у вас случаев несправедливого увольнения рабочего?

– Я со своими рабочими обхожусь гуманно и плачу самое высокое жалованье. Я не могу также припомнить ни одного случая несправедливого беспричинного увольнения. У меня рабочий персонал состоит большей частью из старых служащих, пополняемых, конечно, все время новыми, ибо обороты моей фирмы растут с каждым днем.

Наступило короткое молчание, во время которого Балдуин Кинлей задумчиво посмотрел на портрет, стоявший на его письменном столе. Его лицо приняло при этом мягкое выражение.

Фотография эта изображала изящную красивую девушку, удивительно похожую лицом на коммерсанта.

Сыщик проследил за взглядом хозяина дома и спросил:

– Это ваша дочь?

– Да, сэр, это моя единственная дочь.

– Замужем?

– Нет!

Это «нет» прозвучало как-то жестко и сыщик инстинктом почувствовал, что своим вопросом он задел какую-то еще не зажившую рану старого финансиста.

– Три месяца тому назад у меня появился претендент на ее руку; я отказал ему, и этот отказ причинил мне и причинит еще впереди много убытков.

Пинкертон насторожился:

– А кто же был этим претендентом?

– Один из моих конкурентов, Фред Кронвелл. Его экспорт, правда, вдвое меньше моего, но так как у него нет собственных пароходов, то он отправляет все свои товары на моих судах.

После моего отказа он стал направлять их на суда других компаний, это обстоятельство явилось чувствительным ударом для меня. В довершение всего, примерно в то же время я начал терпеть огромные убытки из-за нападений пиратов гудзоновой реки. И что самое удивительное, этим рыцарям легкой наживы попали в руки как раз самые дорогие грузы, тогда как менее ценные остались нетронутыми. Очевидно, тут дело обстоит не без измены со стороны кого-либо из моих служащих.

– Кто еще, кроме вас, знал, какой товар заключался в тех или иных ящиках?

– Один только мой клерк, мистер Эдуард Броун, если не считать шкиперов тех судов, на которые был назначен соответствующий груз.

– Когда вам предстоит новая отправка большой партии драгоценных грузов?

– На днях, мистер Пинкертон, – озабоченно ответил коммерсант. – Но, принимая во внимание все происшедшее, я отчаиваюсь в успехе этой перевозки и подумываю, что лучше всего будет отказаться от этого дела.

– Не можете ли вы распределить ваш груз на суда так, чтобы никто, даже ваш клерк, мистер Эдуард Броун, не знал ничего о нем? Или, что будет еще лучше, чтобы груз был бы подменен малоценным, при том так, чтобы об этом знали лишь вы да я, а ваш клерк думал бы, что ценность груза осталась та же?

Коммерсант ответил несколько запальчиво:

– Конечно, я могу устроить это, мистер Пинкертон, хотя, должен сказать, никогда не простил бы себе такого обращения с человеком, который пользовался до сих пор моим безусловным доверием и в поведении которого при том я не заметил ничего, что заставило бы меня раскаться в этом доверии.

– Ваши взгляды вполне достойны такого честного человека, как вы, сэр Кинлей. Но таким поступком вы вовсе не окажете недоверия молодому человеку. Этим вы лишь избавитесь раз и навсегда от мысли отказывать ему впредь в доверии; а кроме того, вы впоследствии всегда будете иметь возможность вознаградить его, удвоив степень своего доверия к нему. Разве я не прав?

Кинлей кивнул головой, наполовину убежденный словами сыщика:

– Хорошо! Если вы непременно хотите, я готов последовать вашим указаниям.

– Прекрасно, сэр Кинлей, вы не раскаетесь в этом. Теперь я изложу вам мой план, но прежде всего попрошу сообщить мне точный срок ближайшей отправки груза.

– Послезавтра, мистер Пинкертон.

– Отлично. Этот груз вы отправите под клеймом «шелк» – такого рода материи, как кажется, излюбленная добыча для речных пиратов, – но при этом так, чтобы ваш клерк не знал, что на самом деле ящики содержат самый дешевый товар. Посоветуйтесь перед этим с ним, как отправить этот груз – под истинным или под фальшивым клеймом, и согласитесь с тем, что он предложит. Объявите ему, что груз этот стоит огромных денег. В назначенный вами день вы получите от меня два больших ящика, которые вы прикажете отнести на борт вместе с прочим грузом, но с величайшей осторожностью, спешу заметить, ибо там будет заключен действительно ценный груз.

Говоря последнюю фразу, сыщик тонко улыбнулся:

– Внушите вашим людям, чтобы они как можно бережное обращались с этими двумя ящиками. Далее, наймите одного нового работника, помощника при погрузке. Для этого рассчитайте кого-нибудь из имеющихся налицо, если без этого нельзя обойтись. Этого нового работника пришлю вам я в день отплытия. Вам не нужно видеть его – главное дело в том, чтобы вы сообщили об этом новом работнике шкипера буксира. Вот, кажется, и все. Да, мне было бы интересно посмотреть на вашего клерка, мистера Эдуарда Броуна, а также и на неудачливого претендента на руку и сердце вашей дочери, мистера Фреда Кронвелла.

– Это легко устроить. Завтра в моем доме будет большой вечер, соберется большое общество; мистер Кронвелл находится в числе приглашенных. Несмотря на удар по самолюбию, нанесенный ему моей дочерью, он все-таки появляется у нас периодически и, вероятно, будет здесь и завтра. Мне кажется, что он все еще питает надежду назвать когда-нибудь меня тестем; иначе я не умею объяснить себе его посещения моих вечеров при существующих между нами натянутых отношениях. Тут же вы заодно увидите и моего клерка, так как он тоже приглашен на этот вечер.

Пинкертон потер себе руки:

– Все, я вижу, складывается удивительно удачно, сэр; я попрошу вас отвести мне завтра место около Фреда Кронвелла. Вы можете представить ему меня как одного из ваших приятелей-дельцов, находящихся проездом в Нью-Йорке.

– Хорошо, мистер Пинкертон.

Оба собеседника пожали крепко друг другу руки, и Балдуин Кинлей после ухода сыщика почувствовал себя сильно успокоенным.

Глава II

Неожиданное приключение

– Мистер Вилькинс из Чикаго, один из моих деловых друзей, – так рекомендовал своим гостям сэр Балдуин Кинлей на следующий день вечером пожилого, добродушного на вид джентльмена с седыми волосами и золотым пенсне на носу.

За столом соседом пожилого господина оказался Фред Кронвелл, тот самый господин, который за день перед этим, проезжая мимо дома Кинлея, вызвал такую перемену в лице старого коммерсанта.

Фред Кронвелл был типичным янки, до кончиков ногтей. Он презрительным и надменным взором поглядывал на господина из Чикаго.

Пожилой господин сначала, казалось, не интересовался ничем, кроме еды. Ловкими, гибкими движениями своих пальцев он разрезал жареного цыпленка и бережно отделил мясо от костей.

– Отличное меню! Не правда ли, мистер Кронвелл?

– Yes, сэр, – лаконично ответил тот. Ему был противен этот старикашка.

– И какой отличный, гостеприимный хозяин, не правда ли, мистер Кронвелл?

– Yes, сэр.

Наступила пауза, в течение которой пожилой господин с восхищенным видом уплетал курицу.

– Отличные люди эти Кинлеи, не правда ли, мистер Кронвелл?

– Yes, сэр.

Новая пауза.

– И чертовски хорошенькая леди, эта мисс Кинлей, не правда ли, мистер Кронвелл?

– Yes, сэр.

И Фред Кронвелл со злобой на лице отвернулся в другую сторону, между тем как пожилой господин все с тем же блаженным видом обтер свой рот салфеткой.

– Мой друг, сэр Кинлей, кажется, потерял всякую охоту к коммерческим операциям, благодаря этим речным пиратам, мистер Кронвелл. Жаль, я хотел заключить с ним большую сделку с шелковыми материями, а он не согласен на это. Жаль, ужасно жаль – мы оба получили бы хорошие барыши.

Мистер Кронвелл полуобернулся при этих словах и бросил на старика, испытующий взгляд.

Последний между тем вынул из кармана пенсне и поднес его к своим очкам:

– В самом деле, мистер Кронвелл, эта мисс Кинлей – восхитительное создание. Мне прямо-таки жаль становится при взгляде на нее, что я уже не молод.

Янки, казалось, решил отбросить теперь свою холодность, так как стал вдруг разговорчив и пустился в беседу со своим пожилым соседом.

Через четверть часа разговора Фред Кронвелл спросил вдруг:

– Вы говорили только что о большой сделке с шелком, которую намерены были заключить с сэром Кинлеем, а не хотите ли вы вступить в сделку со мной?

Мистер Вилькинс улыбнулся.

– Вы, вероятно, не подозреваете о количестве нужной мне материи, мистер Кронвелл, иначе вы вряд ли предложили мне это. Нет, нет, – улыбаясь, твердил он, когда Кронвелл начал убеждать его в противном.

– Но я прошу вас, мистер Вилькинс, совершенно серьезно прошу сказать, сколько этого товара вам нужно?

Пожилой господин все еще с сомнением качал головой, говоря:

– Ну-с, мистер Кронвелл, если вы уж непременно хотите знать это, – мне нужно партию материй на пятьсот тысяч долларов, – довольны вы теперь?

К явному удивлению старика, Фред Кронвелл сухо ответил:

– Могу, мистер Вилькинс, послужить вам в этом.

– Что! – выпалил старик. – Вы обладаете в самом деле такой огромной партией?

– Да, сэр, за последние годы моя фирма настолько расширилась, что я могу вести и такие дела.

– Черт возьми! Вам, я вижу, удивительно повезло, мистер Кронвелл: вы так молоды еще и ведете такие большие дела. Вы далеко пойдете! Да, да, молодые коммерсанты нынешних времен далеко опережают нас, дельцов старой школы. А где бы я мог осмотреть ваш товар, мистер Кронвелл? Я остаюсь в Нью-Йорке лишь до послезавтра.

– Товар находится на моих складах, Либерти-стрит, номер 50. Зайдите ко мне завтра днем. Мы отлично оборудуем дело.

– Прекрасно, мистер Кронвелл! Так выпьем же за наше столь удачно начавшееся знакомство!

Раздался звон стаканов, и, когда общество поднялось из-за стола, оба собеседника были уже приятелями.

Восторгу Вилькинса – Ната Пинкертона – не было границ.

– Вот уже не воображал, что он так легко попадет на удочку, – бормотал он про себя.

Сыщик вышел в ближнюю комнату и, найдя укромный уголок позади целого ряда пальм, уселся там.

И в тот момент, когда он хотел уже встать, он услышал голоса и шаги.

Сыщик узнал дочь хозяина, шедшую в сопровождении молодого, полного жизни человека с красивым лицом. Его бегающие глаза портили общее довольно симпатичное впечатление, производимое на наблюдателя его внешностью.

– Неужели у вас, мисс Кинлей, никогда не найдется ласкового слова для меня?

– Разве я не любезна с вами, мистер Броун! Смею заметить, даже более, чем это приличествует дочери патрона по отношению к клерку.

– Во всяком случае, из ваших слов явствует, что вы находите, что уж слишком ласковы ко мне, ничтожному служащему вашего отца, – печально произнес молодой человек.

– Не говорите вздора, – улыбнулась прелестная девушка, – вы нравитесь мне, но это не значит, что скоро будет свадьба, а кроме того, вы знаете, что мой отец никогда не выдаст меня за бедного.

– А если я сделаюсь богатым? – спросил молодой человек с загоревшимся взглядом.

– Что ж, попробуйте, – улыбнулась девушка. – Когда у вас будет два миллиона долларов, попросите у меня моей руки еще раз.

– Ловлю вас на слове, мисс, – крикнул Эдуард Броун вслед со смехом убегавшей девушке, затем повернулся и пошел прочь.

– Удивительное стечение обстоятельств, – бормотал Пинкертон. – Интересно было бы взглянуть на физиономию старого коммерсанта, если бы он услышал, какие намерения питает его клерк.

Становилось поздно, и Пинкертон решил отправиться домой. Не успел он пройти и сотни шагов, как его обогнал кеб, в котором сидели, к великому его удивлению, клерк мистера Кинлея и мистер Фред Кронвелл, погруженные в дружескую беседу.

– Черт возьми, вот так открытие!

К счастью, мимо проезжал другой кеб. Нат Пинкертон вскочил в него и приказал кучеру следовать за первым экипажем, посулив ему хорошо на чай.

Первый кеб остановился у ворот одного из известных клубов, в котором, как знал Пинкертон, в маленьких задних комнатках до раннего утра велась крупная игра в карты.

Сидя в кебе, он снял бороду и парик, приняв, таким образом, свой обыкновенный вид, дабы не быть узнанным при встрече со своим новым знакомым.

Сыщик обошел одну за другой все комнаты, пока не нашел наконец искомую парочку, мирно беседовавшую в маленькой игровой комнате.

Он прошел мимо них. Посмотрев при этом на клерка, он заметил, что тот как будто сжегился от его взгляда.

– Неужели этот мазурик подслушал меня вчера из-за портьеры? – пробормотал Пинкертон.

Он постоял некоторое время в соседней комнате и затем вернулся снова.

Фред Кронвелл и Эдуард Броун уже приняли участие в игре.

– Черт возьми, эта каналья узнала таки меня, – поморщился сыщик, заметив, как оба собеседника обменялись при его появлении взглядом.

Он равнодушно подошел к столу и принялся наблюдать за играющими.

«Довольно дорогое удовольствие для простого клерка, – подумал он. – Держу пари, что мистер Броун не заработает и за полгода столько денег, сколько проиграл здесь в одну-две минуты».

Сыщик знал теперь достаточно и потому ушел из клуба. Но, видимо, Эдуард Броун действительно узнал сыщика, так как тоже немедленно встал из-за стола и вышел за Пинкертоном. Теперь роли как бы переменились: наоборот, сыщик обратился в преследуемого.

Пинкертон, глубоко задумавшись, пошел по направлению к реке Гудзон. Броун ни на шаг не отставал от него. Когда он увидел наконец, что Пинкертон свернул на совершенно пустынную улицу, которая другим концом своим упиралась

в реку, он коварно улыбнулся и исчез во дворе одного из ближайших домов. Вскоре оттуда появились три какие-то темные личности в одежде матросов и пустились с пьяными криками и песнями догонять сыщика.

Последний посторонился, давая им дорогу, как вдруг увидел сверкнувший в руке одного из них нож.

Быстрым, молниеносным движением сыщик схватил левой рукой нападающего за кисть, державшую нож, а кулаком правой руки нанес ему такой страшной силы удар между глаз, что тот без звука полетел на землю.

Но когда Пинкертон захотел отскочить назад, чтобы стать лицом к двум другим негодяям, он почувствовал, что сзади его обхватили две сильные руки; он напрасно пытался освободиться от их объятий – ему приходилось, кроме того, не сводить глаз с третьего нападающего, который все время старался ударить его ножом. С поразительной ловкостью отражал Пинкертон ногами удары своего противника. Тогда негодяй, державший его сзади, видя, что таким способом с сыщиком ничего не поделаешь, стал тащить его к реке.

«Ого, эти подлецы намерены, кажется, утопить меня», – подумал Пинкертон и, находясь уже в пяти шагах от реки, сделал отчаянное усилие оттолкнуть от себя обоих нападающих».

Ловким ударом ноги в живот он заставил одного из них со стоном выпустить из рук нож, со звоном упавший на мостовую. Освободившись таким образом и от второго негодяя, Пинкертон мог теперь вступить в единоборство с третьим и покатился тотчас по земле, увлекая и его за собой. Последний был страшно силен и как клегцами сжимал сыщика в своих объятиях.

Пинкертону удалось наконец вытащить из кармана револьвер, и в тот момент, как оба сшибленных им с ног и теперь оправившихся негодяев готовы были снова броситься на него с высоко поднятыми кинжалами, прогремел выстрел, и один из них, пораженный пулей, сделал скачок и рухнул затем без звука на землю. Другой со страху отбежал в сторону. Сыщик воспользовался этим моментом и со страшным напряжением всех своих сил перебросил своего ближайшего противника через перила в реку. Тот еще держался кое-как, уцепившись за грудь сыщика.

– Помоги, Билл, он хочет сбросить меня в воду, – дико взвыл негодяй.

Пинкертон быстро обернулся, чтобы пригрозить своему третьему противнику револьвером, но в этот момент получил вдруг страшный толчок и полетел вниз головой в реку вместе со своей жертвой.

Сверху над водой нагнулась чья-то голова и прислушалась. Но в воде раздался лишь короткий всплеск, и затем все стихло.

Тотчас в реку полетело еще одно тело и послышался звук быстро удалявшихся шагов.

Четверть часа спустя несколько ниже по течению реки из воды вылез какой-то человек. Он отряхнулся, улыбаясь, и бросился бежать по направлению к более людным улицам.

«Ловко было задумано, джентльмены, – подумал он, садясь в кеб, – что и говорить. А все-таки завтра господа Кронвелл и Броун очутятся за решеткой, и Нью-Йорк будет освобожден от владычества речных пиратов».

Глава III

Пираты за работой

На пристани сэра Кинлея нагружали последние ящики и тюки на баржи, и шкипер буксира отдал приказание развести пары.

Пробило одиннадцать часов ночи.

Нельзя было терять времени. Судну предстояло семь часов пути, а все товары должны были быть сданы и перегружены к полудню следующего дня: к этому времени пароход отходил в море.

– Люди, на шпиль! – крикнул шкипер.

Шпиль заработал, и якорь был поднят. Машины пришли в движение, и буксир огромной черной массой отделился от берега и тронулся в путь.

Под командой шкипера находилось десять человек, распределенных на пароходе и баржах. Ввиду последних нападений команда была вооружена револьверами.

Сегодня после полудня в число ее был принят новичок. Он выглядел настоящей «смоленной курткой» с коротенькой трубкой в зубах. Шкипер недоверчиво поглядел на вновь прибывшего. Но тот отлично выдержал его взгляд и работал потом за двоих.

– Боб Шиллинг, отправляйтесь на самую дальнюю баржу, – сказал ему шкипер при отчаливании.

– Так я и знал, – пробормотал Боб Руланд – испытанный помощник Пинкертон, – что ты меня туда откомандируешь. Ну погоди, вы у нас еще попляшете сегодня.

Он добрался между тем до указанного ему места и оглянулся кругом, затем приблизился к двум большим ящикам, сел между ними и постучал слегка по стенке одного из них пальцем, повторив удар трижды:

– Вы слушаете, начальник?

– Да, Боб. Кругом никого нет? – раздался вопрос из глубины ящика.

– Никого; меня услали назад. Очевидно, шкипер находится в стачке с шайкой.

– Согласен с тобой. Моррисон здесь?

– Рядом с вами, начальник, – я сижу между обоими ящиками.

– О пиратах еще ничего не слышно?

– Пока нет. Мы плывем посреди реки. Выше по течению видны два полицейских катера, которые снуют вокруг нас. Впрочем, виноват, я вижу теперь довольно далеко позади нас идет небольшой пароход! Он держит курс прямо на нас! Это, очевидно, пираты! Они идут полным ходом!

– Где мы теперь, Боб?

– Недалеко от Джерсей-Сити. Габокен останется скоро позади нас.

– Видны ли еще полицейские катера?

– Нет, не видны, теперь вообще мало что можно разглядеть. Луна зашла за тучи, и вся река окуталась мраком.

– Во всяком случае ты, Боб, отдайся в плен вместе с прочими, чтобы увидеть, кто из экипажа находится в стачке с пиратами, – понял?

– Понял. Пароход находится теперь не более чем в пятистах метрах от нас, и если... Но тише – кто-то идет сюда.

По борту баржи пробирались двое из экипажа. Когда они приблизились к Бобу Руланду, то остановились и спустились к нему. Казалось, они хотели поболтать с ним.

– Темная ночь сегодня, товарищ, не правда ли? – спросил один из них у Руланда.

– Как же! Как раз подходящая для речных пиратов, – ответил тот.

– Если бы они только знали, какой товар мы везем, они бы уже давно гнались за нами, – усмехнулся матрос.

– Эй, кто тут еще есть? – спросил он вдруг и прислушался,

– Кому ж тут быть, кроме нас? – проворчал Боб. После короткого молчания первый матрос заговорил снова, предварительно оглянувшись.

– Скажите, товарищ, с кем это вы только что говорили, перед тем как мы подошли к тебе?

Боб Руланд был опешен. Оба матроса придвинулись теперь к нему и пронзили его злобыными взглядами.

Помощник Пинкертона заметил, что в то же время ближайший к нему матрос характерным движением сунул руку себе под куртку.

Этого было достаточно для Боба.

Прежде чем его противники успели броситься на него, он поднялся спокойно с места, положил свою трубку на один из ящиков и быстрым как молния движением нанес одному из не ожидавших ничего подобного матросов здоровенный удар кулаком в висок.

С глухим стуком тот упал на палубу, уронив при этом кинжал, что доказало Бобу, что он не ошибся в своих предположениях.

Между вторым матросом и Бобом завязалась отчаянная борьба. Оба, крихтя, сжимали друг друга в объятиях. Наконец Боб высоко поднял врага над собой и ударил его головой о борт баржи.

Впереди, должно быть, почуяли что-то неладное, так как Боб увидел теперь, как третий человек с фонарем в руках перешагнул на последнюю баржу и начал пробираться к месту поединка.

Пока он не мог еще видеть Боба.

Последний поспешно выбросил за борт тела обоих матросов.

Две минуты спустя перед Бобом, как ни в чем не бывало сидевшим между ящиками и курившим свою трубку, стоял человек с фонарем.

– Вам приказано отправляться вперед, Шиллинг, – сказал он.

Тронувшись в путь, чтобы исполнить приказание, Боб видел, что человек с фонарем остался стоять на его прежнем месте и поднес фонарь к одному из ящиков.

Когда Боб Руланд взобрался на буксир, к нему подошел шкипер.

– Идите в трюм, Боб Шиллинг, и принесите мне оттуда канат.

Боб повиновался. Не успел он дойти до середины лестницы, как услышал, что позади него с адским хохотом захлопнули люк.

Он быстро поднялся назад по лестнице и сильно ударил по люку кулаком.

– Желаю вам весело провести там время, господин шпион, – проговорил голос шкипера. – Вас выпустят, когда пираты овладеют пароходом.

«Увидим», – подумал Боб и спустился вниз по лестнице. Там было дьявольски темно, и когда он зажег спичку, то увидел, что трюм наполнен старыми досками. Боб сел и начал думать, что бы ему предпринять. Его положение было критическим, так как шкипер считал его шпионом и сам, очевидно, был в заговоре с пиратами. Руланду казалось даже, что и весь экипаж был на стороне шайки. Когда же шкипер узнает, что из его команды пропало двое людей, то подозрения его против Боба еще усилятся, возможно даже, что его убьют.

Его, следовательно, могло спасти лишь бегство.

Он подошел к маленькому окошку в борту и просунул в него голову. Ею протиснуть плечи оказалось совершенно невозможным.

Шкипер наверху дал громкий свисток, и тотчас за ним Боб услышал второй свисток, точно эхо первого.

– А это сигнал для пиратов, – подумал Боб. Е[просунув голову еще раз в окно, он действительно увидел в темноте ночи вблизи от буксира силуэт другого судна.

Буксир получил вдруг сильный толчок,
затем наверху послышался топот ног и раздались отрывистые слова команды.

Постепенно шум наверху умолк, и другой пароход шел впереди буксира, как видел Боб, точно указывая ему путь.

Приблизительно через полчаса пароход остановился и вдруг все ожило.

Боб видел из окна, что место остановки было выбрано весьма подходящее, он видел, как пираты, точно гномы, работали поспешно в темноте, выгружая тяжелые тюки и ящики на берег. Он не имел возможности определить, где они остановились.

Насколько он мог разглядеть, на берегу стоял маленький, наскоро сколоченный домик, в который пираты складывали ящики и тюки. Кроме этого домика на берегу виднелись очертания еще каких-то странных строений.

Вдруг Боба осенила мысль. Ну да, конечно, это так, эти здания – старинные, ныне заброшенные Манхэттенские укрепления. Надо отдать справедливость пиратам – лучшего места под склады краденых товаров нельзя было найти нигде.

Теперь Бобу необходимо было подумать о собственном спасении. Пролезть через люк было немыслимо: там его встретили бы пираты, и в таком числе, что было бы безумием вступать с ними в борьбу.

Если бы ему удалось расширить окно настолько, чтобы можно было пролезть в него, он мог бы еще спастись. Он просто-напросто проплыл бы немного вниз по течению и выплыл бы где-нибудь на берег.

Он поспешно вынул из кармана нож, который всегда носил с собой, и принялся ковырять им доски, составлявшие обшивку баржи. Работа была нелегкой, и пот лил с него градом. Её работа, тем не менее, продвигалась вперед, и он уже почти успел настолько расширить окно, что мог бы кое-как пролезть через него, как вдруг люк наверху открылся и на лестнице показался человек, а сзади него высунулся десяток ружейных стволов.

Лицо человека было покрыто маской, в руках он держал револьвер.

– Скажите, кто вы такой? – спросил он. – И кто послал вас сюда?

Когда Боб промолчал на этот вопрос, тот кратко приказал ему идти наверх.

Её палубе Боб увидел человек двадцать пять вооруженных людей, которые направили на него дула своих ружей.

Весь экипаж буксира принадлежал шайке – он ясно видел это теперь. Среди этих людей стоял еще второй человек в маске.

– Вас обвиняют в шпионаже, Боб Шиллинг, – снова обратился к нему первый замаскированный. – Признаете вы себя виновным?

– Если вы называете шпионажем отслеживание преступников, то могу ответить на ваш вопрос лишь утвердительно, – бесстрашно ответил Боб.

– Во время сегодняшней поездки пропали два человека из экипажа. На том месте, где один матрос с последней баржи встретил вас, было замечено большое кровавое пятно. Это вы убили их?

– Во всяком случае я позволил себе защищаться против этих двух джентльменов, так как в противном случае лежал бы теперь сам на дне Гудзона.

– По чьему приказанию вы действовали?

Боб подумал и потом ответил решительно:

– Я вам не скажу!

Было весьма вероятно, что пираты разделаются с ним не раньше, чем выпытают у него это имя, – таким образом он выигрывал время.

– Свяжите его и отведите на пароход, – приказал атаман.

Боб дал себя связать и был затем переведен на пароход пиратов. Там его запрятали в трюм и приставили к нему вооруженного караульного.

Боб мирно заснул и проснулся, лишь когда его сильно встряхнули за плечо. Он встал и поднялся на палубу согласно приказанию часового. К величайшему своему удивлению, он заметил,

что была опять ночь, так что он проспал, оказывается, целый день.

По небу плыл месяц, освещавший то же здание, в котором хранились похищенные товары. Окружавшие его пираты мрачно поглядывали на него. Когда появились наконец два замаскированных человека, вся компания тронулась на берег.

Ворота открылись и затем снова закрылись. Боб с напряжением ждал, что произойдет, так как помещение, в котором они находились, было пусто, насколько он мог видеть это при свете фонаря.

Боб недолго оставался в недоумении. Открылась опускающаяся дверь, и пираты начали по одному спускаться в нее.

Его оставили пока наверху.

Он снова принялся мечтать о бегстве, попробовал было освободиться от веревок, но тщетно.

Через полчаса снова появилось двое пиратов, которые приказали ему следовать за ними вниз.

Когда на следующий день клерк Эдуард Броун ворвался в кабинет сэра Кинлея и сообщил ему о новом разбое пиратов, то был немало удивлен несвойственным старику спокойствием, с каким тот отнесся к его рассказу. И клерк побледнел, заметив пронизывающий взгляд, брошенный ему в упор хозяином.

Слегка дрожащим голосом изложил Броун своему шефу подробности нападения, переданные со слов экипажа:

– Вчера вечером, отправившись в путь в одиннадцать часов ночи, они добрались беспрепятственно до того места, где буксир был найден сегодня полицейским катером. Тут вдруг из одной бухты вылетел большой пароход, подошел прямо к буксиру и высадил на палубу последнего около пятидесяти вооруженных людей, потребовавших от шкипера выдачи груза. При этих условиях борьба с пиратами была немыслима – произошло бы лишь напрасное избиение людей, а потому экипаж сдался, был связан и доставлен на берег, где их сторожило несколько человек из шайки. Груз затем был увезен разбойниками неизвестно куда, так как никто из экипажа не присутствовал при этой разгрузке. Четыре часа спустя пираты покинули буксир, который был найден затем полицейским катером. Двое из команды, попытавшиеся было сопротивляться, были убиты и выброшены за борт.

Когда клерк закончил свой рассказ, то добавил, что отныне в гавани будет крейсировать военное судно. Затем шеф отпустил его, как-то странно поглядев на него при расставании. Балдуин Кинлей все более убеждался в правильности предположений и действий Пинкертон и сильно рассчитывал на его помощь.

Глава IV

Среди пиратов

– Вылезай же, Моррисон! Что ты, заснул, что ли, – крикнул Пинкертон, выползая из своего ящика.

– Я не могу поднять крышку, – послышался ответ из другого ящика.

– погоди, сейчас я помогу тебе. Черт возьми, до чего жарко было в этом проклятом заключении.

Сыщик поставил на пол потайной фонарь и начал отрывать крышку другого ящика молотком и клещами.

– Ну, выходи, Лазарь, – смеясь, сказал он, когда Моррисон выполз наконец весь мокрый от пота.

Подкрепившись немного, оба принялись за осмотр места своего заключения.

Это было огромное каменное здание без окон и дверей. Стены его были выложены из больших квадратных камней. Наверху виднелась большая четырехугольная дыра, прикрытая трапом.

– Выбраться отсюда через эту дыру положительно невозможно, Моррисон, – сказал Нат Пинкертон. – Имеешь ли ты понятие о том, где мы находимся?

Тот ответил отрицательно.

– Я полагаю, что это здание – одно из старых укреплений Нью-Йорка, около Манхэттена; для чего бы иначе стали строить такие солидные стены? Смотри-ка, я, кажется, прав – вон наверху в стенах видны амбразуры.

– А что стало с Бобом, начальник, – спросил озабоченно Моррисон. – Надеюсь, он в безопасности?

Сыщик пожал плечами:

– Об этом мы узнаем завтра ночью, когда вся банда соберется здесь.

Моррисон вытащил из своего ящика два небольших бочонка, а затем крышки были вновь заколочены наглухо.

Оба заключенных начали обходить помещение, как вдруг, пройдя шагов сто, в ужасе остановились.

Моррисон поднял фонарь кверху и осветил им столб, вбитый глубоко в землю. Почва вокруг столба была пропитана насквозь кровью, а рядом валялись толстые веревки.

– Знаешь, что это такое, друг мой? – спросил своего помощника сыщик.

– До известной степени догадываюсь, – ответил тот.

– Это столб пыток гудзоновых пиратов, у которого они пытаются насмерть свои жертвы, а также изменников из своей среды.

Оба двинулись дальше, но, нигде не найдя выхода, вернулись в конце концов назад.

– Мы еще имеем десять часов в запасе до нового прихода этих мерзавцев. Воспользуемся ими, чтобы устроиться здесь как можно удобнее.

Выбрав подходящее и закрытое со всех сторон место, они разлеглись и заснули.

Через несколько часов Пинкертон вдруг выпрямился и осторожно толкнул своего помощника.

– Ты слышишь, Моррисон – пираты уже пришли.

– Как же, начальник, слышу.

– Смотри наверх, видишь, трап приподнимается.

В образовавшееся отверстие по веревочной лестнице спустилось около двадцати пяти человек с ружьями и фонарями в руках.

Оружие они сложили около лестницы, а затем вся банда направилась к столбу пыток. Они остановились напротив него, образовав полукруг, в центре которого находились два человека в масках.

– Черт возьми! – воскликнул Пинкертон. – Провались я сквозь землю, если эти два подлеца в масках не суть господ Брун и Кронвелл.

Но вот наступила тишина и один из замаскированных топнул трижды ногой по полу. Затем он заговорил:

– Мы собрались сегодня здесь, чтобы переговорить и посоветоваться о разных инцидентах, имевших место за последние дни и вызвавших недовольство и недоверие между нами. Мы достигли того, что все теперь боятся речных пиратов, и мы можем гордиться своими успехами. К сожалению, за последнее время в нашей среде начали попадаться шпионы и изменники, которые, впрочем, не избежали наказания – они были присуждены к смерти у столба пыток. Но, несмотря на все предосторожности, принимаемые нами при выступлениях на работу, к нам все-таки присосалось несколько новых шпионов, одного из которых нам удалось поймать во время вчерашней экспедиции. Как с ним поступить теперь?

– Он должен умереть, – пронеслось в толпе.

– Хорошо, я ожидал этого приговора, – сказал оратор и повернулся затем к двум ближайшим из пиратов: – Приведите сюда шпиона!

Те немедленно вернулись к лестнице, поднялись наверх и тотчас вернулись оттуда с человеком, у которого руки были связаны за спиной.

– Что такое, Моррисон, – да ведь это Боб! Ну потерпи, мой милый, тебе не долго придется там стоять в таком неприятном положении, – бормотал себе под нос Пинкертон.

Оратор повернулся теперь ко вновь введенному:

– Не угодно ли вам будет объявить теперь ваше имя, а также сообщить, каким образом вы напали на наш след? Или прикажете прибегнуть к пытке, чтобы заставить вас говорить?

– Имя свое я вам скажу, – ответил Боб Руланд, называя себя, – а относительно того, как я напал на ваш след, это вам сообщит при случае мой начальник, мистер Нат Пинкертон.

– Нат Пинкертон! – в ужасе вскричали пираты. – Нат Пинкертон преследует нас! Мы погибли!

Замаскированный со злобой ударил ногой об пол, водворив этим молчание.

– Я уже три дня знаю, что Пинкертон преследует нас, и мной уже предприняты кое-какие меры, чтобы обезвредить его.

– Ого, атаман, – подал голос один высокий здоровенный детина, делая два шага вперед, – Пинкертона не так легко уничтожить. Гораздо легче может случиться, что он всех нас усадит на электрическое кресло. Не так ли, товарищи?

– В этом вы вполне правы, – надменно вставил Боб.

– Молчать! – загремел атаман. Говоривший, ворча, отошел назад.

– Кроме вопроса о шпионах тут есть еще одно обстоятельство для обсуждения, – продолжал атаман. – Вы часто выражали свое неудовольствие на то, что мы скрываем наши лица под масками, и не раз предлагали нам снять их. Мы никогда этого не сделаем, так как

в этом случае мы окажемся всецело в ваших руках. Будьте довольны тем, что без нас вам никогда ничего не удалось бы сделать. Если вы и впредь будете приставать к нам с подобными требованиями, то мы покинем вас и вам придется выбирать нового атамана. Обещайте нам, что оставите нас в покое, тогда мы останемся во главе шайки и будем делить с вами все опасности.

– Так делите же с нами и добычу поровну, атаман! – со злобой воскликнул тот же детина. – Ведь вы изволите получать вдвоем половину барышей, а другую нам приходится делить на двадцать пять частей между собой. Черт возьми, если играть, так начистоту, а потому – долой маски!

И озлобленный великан выступил вперед, протянув руку к лицу атамана.

Последний вместе с другим замаскированным отступил на шаг назад и моментально выхватил из кармана револьвер.

Раздался треск выстрела, и пуля пролетела у самого уха пирата.

– Первого, кто дотронется до меня, убью как собаку! Запомните это!

Средство подействовало: все сразу притихли.

– Говорите, обещаете ли вы оставить меня и моего компаньона в покое с вашим приставанием относительно масок?

Но, прежде чем они успели ответить, произошло нечто такое, что произвело на собравшихся пиратов впечатление бомбы, взорвавшейся вдруг посреди комнаты.

Пока шли эти переговоры Пинкертон и Моррисон выскользнули из своей засады и прокрались к веревочной лестнице.

Пираты были настолько увлечены своим спором, что ничего не замечали вокруг.

Ружья были быстро собраны и связаны в кучу.

Затем оба сыщика поднялись вместе с оружием наверх.

Моррисон бросился тотчас за полицией, а Пинкертон спустился вновь до середины лестницы и повернулся лицом к пиратам.

При последних словах атамана с лестницы раздался вдруг его могучий голос:

– Пираты гудзоновой реки, ни с места. Смотрите, в нескольких шагах от вас на ящике стоят два бочонка. Они наполнены взрывчатым составом колоссальной силы. В тот момент, когда кто-либо из вас попытается тронуться с места или сделать какое-нибудь подозрительное движение, я выстрелю в бочонки, – и все вы взлетите на воздух.

Пираты понимали всю опасность положения.

– Эдуард Броун и Фред Кронвелл, – продолжал Пинкертон, – снимите ваши маски! Пусть ваши сообщники видят, с какими изысканными джентльменами им пришлось иметь дело.

Замаскированные с судорожно-искаженными от бессильной злобы лицами сняли маски.

Сыщик не ошибся. Это были именно Броун и Кронвелл.

– Фред Кронвелл, развяжите немедленно руки моему человеку, – продолжал Пинкертон.

И это приказание сыщика было исполнено. В один момент Боб Руланд был свободен и спокойно направился к лестнице.

– Лезь через меня, – сказал ему Пинкертон, – я хочу сыграть еще одну шутку с пиратами.

Когда Боб скрылся наверху, Пинкертон крикнул снова:

– Фред Кронвелл, возьмите один из бочонков, не бойтесь, сам по себе состав не взорвется. Но прежде всего отложите ваш револьвер в сторону. И шевелитесь, а то иначе мой револьвер может выстрелить невзначай.

Атаман отложил оружие и подошел к бочонку.

– Откройте осторожно крышку бочонка, – продолжал Пинкертон, – и скажите потом вслух, что в нем находится.

На этот раз Пинкертон не стал ждать ответа, быстро взобрался по лестнице в люк, между тем как внизу поднялся страшный шум и крики.

– К оружию, ребята, в бочонках песок! – кричал не своим голосом атаман, бросая бочонки на пол.

Точно тигры бросились пираты к веревочной лестнице, где стояли их ружья, – и вдруг остановились, точно пораженные молнией: ружья исчезли!

Пинкертон тем временем уже втащил за собой наверх веревочную лестницу, и пираты очутились, таким образом, в самом глупом и безвыходном положении.

Немного спустя наверху послышались шаги прибывших во главе с Моррисоном полицейских и раздался голос Пинкертона:

– Предлагаю вам выходить наверх поодиночке. Первый, кто попытается защищаться, будет застрелен на месте.

Пираты подчинились приказу и принялись вылезать по лестнице наверх, где их немедленно связывали.

Наконец внизу остались лишь Броун и Кронвелл.

Они пытались спрятаться, но были быстро найдены Пинкертоном и его помощниками и доставлены затем наверх, подобно прочим.

Полиция была донельзя поражена, когда великий сыщик доставил всю компанию пиратов в Метбери-стрит.

Нью-йоркские газеты пестрели хвалебными гимнами в честь Ната Пинкертона, избавившего Нью-Йорк от речных разбойников и давшего возможность вздохнуть свободно всему коммерческому миру.

Кронвелл повесился несколько дней спустя в доме предварительного заключения, а Броун и вся остальная компания были приговорены к двадцатилетней каторге и отправлены в Синг-Синг.

Балдуин Кинлей не знал, как отблагодарить великого сыщика, и весьма крупно вознаградил его за услугу, так как тот поистине спас его от неминуемого краха.

Арест в облаках

Глава I Сенсационное преступление

Вот уже два часа, как Нат Пинкертон ехал в экспрессе, шедшем из Чикаго в Нью-Йорк. Великий сыщик только что способствовал чикагской полиции в поимке нескольких важных преступников. Он пробыл в Чикаго всего лишь несколько часов, и, по его мнению, дело, ради которого он туда приехал, оказалось весьма простым, хотя оно доставило, тем не менее, много хлопот местной полиции.

Теперь Пинкертон лежал в удобной позе в одном из мягких кресел вагона первого класса и читал газету. Он часто отрывался от своего чтения, больше думал о делах, ждавших его в Нью-Йорке.

Среди них не было, правда, ни одного особенно важного, но можно было ожидать, что ко времени его прибытия в Нью-Йорк накопятся еще новые, до сих пор ему неизвестные дела, которые потребуют напряжения всех его способностей.

Он опустил газету и задумчиво поглядел в окно на довольно мало живописный ландшафт.

Экспресс давно уже оставил за собой окрестности озера Мичиган, и вдали уже виднелись воды озера Эри. Теперь поезд приближался к городу Кливленду.

Вдруг Пинкертон вздрогнул и с величайшим интересом начал вглядываться вверх, на небо.

Некоторые из пассажиров тоже обратили свое внимание на небо и принялись оживленно переговариваться:

– Воздушный шар – смотрите, смотрите, воздушный шар, – в корзине двое людей, а вон внизу на длинном канате висит третий!

– Это, должно быть, гимнаст, который намерен проделать свои упражнения в воздухе! – решили некоторые из пассажиров.

– Но он ведь не двигается! – заметил кто-то. – Шар находится на вполне достаточной высоте, ему давно пора бы было начинать!

Пинкертон ни словом не принял участия в разговоре. Его острые глаза видели побольше глаз прочих, и он, должно быть, заметил нечто особенное, так как лоб его покрылся морщинами, а лицо приняло мрачное, гневное выражение.

Он быстро открыл свой изящный дорожный чемодан и вытащил оттуда бинокль. Посмотрев в него, он снова невольно вздрогнул, вскочил с места и крикнул:

– Тысяча чертей! Там, кажется, совершается гнусное дело!

И действительно, того, что сыщик увидел в свой превосходный бинокль, было вполне достаточно, чтобы внушить ужас и заставить вздрогнуть каждого. Человек, висевший высоко над землей на конце гайдропа¹, был мертв: конец гайдропа обвивался мертвой петлей вокруг шеи несчастного.

Одну-две секунды Пинкертон смотрел пристально на искаженное лицо мертвеца, а затем направил свой бинокль кверху, на корзину. В ней находились два человека, из которых один перевесился в этот момент через край корзины и смотрел вниз на висевшего под ним мертвеца.

¹ Гайдропом называется длинный канат, прикрепленный к корзине воздушного шара, который при спуске на землю волочится за корзиной и тем задерживает поступательное движение шара.

Пинкертон заметил, что это был тощий чернобородый человек, второго воздухоплавателя он не мог разглядеть, так как тот свесился вниз с другой стороны корзины.

Воздушный шар тем временем с быстротой стрелы поднимался вверх; Пинкертон мог делать свои наблюдения лишь в течение нескольких секунд. Затем воздушный шар попал в верхнее, более быстрое воздушное течение, которым его повело в сторону. Скоро он превратился в небольшую точку на горизонте, а затем совершенно исчез из виду.

Сыщик стал соображать, куда мог быть отнесен шар. Он полетел в направлении на юго-восток, прямо на Ричмонд.

Когда шар исчез из виду, Пинкертон погрузился в глубокое раздумье. По его мнению, здесь имело место преступление и совершилось оно неслыханным доселе способом.

Дело могло оказаться настолько сложным, что и Пинкертону не будет зазорно взяться за него; и весьма возможно, что раскрытие этого преступления потребует от сыщика приложения всех его громадных способностей и опыта.

А потому Пинкертон решил выйти из поезда в Кливленде, чтобы осведомиться прежде всего о том, были ли правильны его подозрения или нет.

Немного спустя экспресс добрался до Кливленда, и великий сыщик покинул вагон, чтобы приняться за свои исследования.

Не успел он отойти и нескольких шагов от вокзала, как уже заметил, что между обывателями города царит сильное волнение. Повсюду люди говорили между собой о шаре и о преступниках. Сыщик подошел к одной из оживленно разговаривавших групп, толпившихся на улицах.

– Что же именно случилось? – спросил он. – Я заметил в городе большое волнение и слышал, что оно было вызвано полетом воздушного шара!

Один из собеседников тотчас же повернулся лицом к спрашивающему, чтобы изложить ему эту сенсационную новость.

– Вообразите себе, – с оживлением начал он, – здесь произошло ужасное преступление! О полете этого шара, принадлежащего братьям Вестерлэнд, население было оповещено уже давно. Полет должен был состояться ровно в полдень, что и произошло на самом деле. Но шар поднял вместо двух пассажиров – трех, так как в момент поднятия шара на воздух одному господину, стоявшему в первом ряду зрителей, была накинута на шею петля, сделанная на конце гайдропы; господин этот был таким образом увлечен вместе с шаром – теперь он болтается высоко в воздухе!

– А кто этот несчастный? – поспешно спросил Пинкертон.

– Это Вильям Моррис, кассир Кливлендского Центрального банка, у него в кармане находилось 50 тысяч долларов наличных денег! А потому вполне ясно, что эти негодяи имели в виду эти деньги, и я думаю...

Но ему не пришлось закончить, так как Пинкертон отрывисто поблагодарил его за сообщение и бросился поспешно прочь. Его собеседник посмотрел ему удивленно вслед и пробормотал про себя:

– Странный субъект! Это известие, как видно, не очень заинтересовало его, потому что он не выслушал меня до конца.

Пинкертон между тем вскочил в проезжавший мимо экипаж:

– Везите меня скорее в полицейское управление.

Четверть часа спустя Пинкертон входил в кабинет кливлендского полицейского инспектора. Паттерсон – так звали инспектора – с изумлением встретил знаменитого сыщика.

– Мистер Нат Пинкертон?! – с изумлением воскликнул он. – Неужели это действительно вы? Вы, очевидно, прилетели сюда со скоростью электрического тока, иначе я не могу объяснить себе вашего прибытия! Пять минут назад я телеграфировал вам в Нью-Йорк, прося при-

быть немедленно сюда, так как здесь случилось сенсационное происшествие, – и вдруг вы уже очутились здесь, когда еще и телеграмма-то моя не успела дойти до вас!

Пинкертон с улыбкой пожал инспектору руку и произнес:

– Не правда ли, это кажется почти колдовством, а? Но дело в том, что я ехал домой из Чикаго и в пути увидел из вагона шар братьев Вестерлэнд вместе с его странным грузом на гавдропе. Заподозрив тут что-то неладное, я прервал свое путешествие на здешнем вокзале, чтобы посмотреть, что тут собственно произошло? Мне кажется, для меня тут найдется работа?!

– И вы не ошиблись! – подтвердил Паттерсон. – Слышали ли вы какие-либо подробности о происшествии?

– Собственно говоря, ничего определенного я не знаю. Я знаю лишь, что братья Вестерлэнд задушили кассира Центрального банка, имевшего при себе 50 тысяч долларов, и похитили его тело.

Полицейский инспектор отошел немного назад, и тут только Пинкертон заметил, что в комнате находится еще третье лицо. Это был старый, почтенный господин с большой седой бородой и серьезными глазами, который поднялся теперь со стула, на котором сидел у письменного стола.

– Позвольте мне познакомить вас, господа! Мистер Джеймс Холли, директор Кливлендского Центрального банка, – мистер Нат Пинкертон, известный сыщик.

Старый господин сердечно протянул сыщику руку и горячо произнес:

– Я искренно рад вашему прибытию сюда, сэр. С вашей помощью, я надеюсь, нам быстро удастся добраться до преступников и заставить их понести наказание. Я могу откровенно сказать, что для меня важна не столько потеря 50 тысяч долларов, сколько утрата самого Вильяма Морриса. Банк, собственно говоря, легко может перенести потерю такой суммы, но убийство одного из самых честных и преданных банку служащих не может и не должно оставаться безнаказанным! Моррис был близок ко мне, я относился к нему как к сыну, и его печальная участь бесконечно огорчает меня. Он был человеком величайшей добродетели и редкого благородства, честность его стояла выше подозрений!

Собеседники уселись, и Пинкертон заявил:

– Разумеется, что я готов принять на себя расследование этого дела, и я надеюсь на успех – не может же пропасть, точно иголка, целый воздушный шар, да еще с двумя пассажирами! Но позвольте мне прежде всего задать вам несколько вопросов.

– Сделайте одолжение.

– Каким образом случилось, что Вильям Моррис именно сегодня имел при себе 50 тысяч долларов?

– Сегодня у нас суббота, – ответил Джеймс Холли, – а в этот день мы отправляем еженедельно 50 тысяч долларов торговому дому «Кук и Сыновья», который держит у нас свои капиталы. Эта сумма нужна означенной фирме для еженедельного расчета с рабочими. Вильям Моррис имел обыкновение отвозить туда эти деньги лично и именно в час дня, когда он уходил из конторы. Но сегодня он ушел вместе с деньгами из банка в половине двенадцатого, с тем чтобы успеть поглядеть по дороге на подъем воздушного шара, который должен был полететь ровно в полдень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.